

«ЗВЁЗДЫ СИБИРИ»

Книга «Звёзды Сибири» была записана мною под диктовку Юрия Сергеевича Грачёва летом 1957 года в городе Куйбышеве. Эта книга была посвящена моим родителям в честь 25-летия их совместной жизни. Жизненные пути Юрия Сергеевича Грачёва много раз сходились с жизнью моих родителей. Они хорошо знали и любили друг друга.

Эта книга произвела на меня большое влияние. Мне было 22 года. Я училась в Ташкентском мединституте. Постоянно находилась в общении с Ташкентской молодёжью, среди которой было много студентов. Духовная жизнь Ташкентской молодёжи была на высоком уровне. Она имела постоянные общения с такими братьями как Николай Петрович Храпов, Алексей Григорьевич Богатыренко, Михаил Маркович Саматугин, Григорий Петрович Цорба, Николай Ефимович Шапкунов и др. Жизнь братьев, которые стояли во главе, была достойна подражания. Они вели достойную христианскую жизнь и могли быть примером для нас.

Книгу «Звёзды Сибири» мы читали на молодёжных общениях, несмотря на то, что она была только в рукописи. Герои этой книги вдохновляли нас на подвиги. Так в ташкентской церкви организовалось несколько детских воскресных школ, постоянно действовал кружок по разбору Слова Божьего, молодёжь выезжала в соседние города и немецкие посёлки с благовестием. Помню, однажды на майские праздники мы имели общение в немецком посёлке, и на зелёном лугу мы пели на русском и немецком языках гимн «Великий Бог». Это было чудно, неповторимо и оно повторится только на небесах, когда мы будем петь на небесном языке и будем все понимать друг друга.

Прошло более 50 лет с тех пор, как была написана эта книга «Звёзды Сибири», но её и сейчас читают с большим интересом, хотя она до сих пор существует только в рукописи. Хотелось бы, чтобы жизнь молодёжи 30-х годов повторилась, чтобы современная христианская молодёжь была похожа на своего Учителя — Иисуса Христа!

Ангелина Мальцева (Лобкова). Сакраменто. 2009 год.

Звёзды Сибири

«И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звёзды вовеки, навсегда»

Дан. 12:3

Звёздам Сибири и их звёздочкам в память 25-летия их совместной жизни посвящаю эти воспоминания.

Юрий Сергеевич Грачёв.

Оглавление

Оглавление	3
Предисловие.....	4
Глава 1.....	4
Глава 2.....	7
Глава 3.....	9
Глава 4.....	12
Глава 5.....	14
Глава 6.....	16
Глава 7.....	17
Глава 8.....	19
Глава 9.....	21
Глава 10.....	22
Глава 11.....	23
Глава 12.....	24
Глава 13.....	27
Глава 14.....	29
Глава 15.....	30
Глава 16.....	31
Глава 17.....	33
Глава 18.....	34
Глава 19.....	35
Глава 20.....	36
Глава 21.....	38
Глава 22.....	44
Глава 23.....	46
Глава 24.....	48
Глава 25.....	49
Глава 26.....	50
Глава 27.....	52
Глава 28.....	55
Глава 29.....	59
Глава 30.....	61
Глава 31.....	65
Глава 32.....	66
Глава 33.....	67
Глава 34.....	69
ЭПИЛОГ.....	70

Предисловие.

Жизнь человеческая полна желаний, стремлений. Одно поколение сменяется другим, и все лучшие люди, идя к добру, отдают свои силы для него. Есть люди великие, о которых пишут и говорят, а есть простые, незаметные, которые проходят путь своей жизни, внося долю своего труда в общее счастье. Среди таких простых и, казалось, ничем особо не выделяющихся, были юноши и девушки 30-х годов XX века. Часть из них жива, а часть уже отошла в вечность. Их горе и радости забыты, а тела растворились в общей материи земного шара. Но есть те, жизнь которых бесконечна. Это — юность, стремящаяся к вере, надежде, любви.

Это — молодость звёзд, изливающая лучи милосердия окружающим. Это — юность звёзд, рождающих звёзды. Среди таких незаметных простых людей нашей эпохи были и звёзды Сибири. Если на солнце усматриваются пятна, то и звёзды нельзя назвать совершенными. Есть и у них свои слабости, недостатки. Но на фоне тёмной ночи, где нет чистоты, где нет святости, а всё покрыто мраком греха, ярко горят эти звёзды.

«Стезя праведника как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня» Притчи Соломона 4:18.

Глава 1.

«Как юноше содержать в чистоте путь свой?» «Хранением себя по Слову Твоему» Пс. 118:9.

— Будем купаться или нет? — спросила Паша подруг.

— Конечно, будем, — сказала Лена. Таня же ничего не сказала, а стала раздеваться. Было жаркое лето и так хотелось поскорее войти в воду и ощутить прохладу. Кругом стояла тишина. Лес за рекой как бы дремал под зноем. Аромат трав наполнял воздух. Девушки весело плескались, плавали, перегоня друг друга. В их весёлом смехе слышалось столько беззаботности, чистой детской радости.

— Паша, ну давайте же скорее одеваться, не можем же мы много времени купаться, — сказала Лена, поправляя свои светлые длинные выцветшие от солнца волосы.

— Ещё немного, — крикнула Паша и нырнула в воду, голова её долго не

показывалась.

— А я так не могу, как ты, — сказала Таня, подплывая к вынырнувшей подруге. Они ещё немного поплавали и торопливо стали одеваться. Им ещё бы хотелось погреться на солнышке, полежать на песке, который узкой жёлтой полоской тянулся у самого берега. Но мысль, что кто-нибудь может заметить их обнажёнными, страшно пугала их. И девичья стыдливость, и сознание, что вид обнажённого их тела может повести к греховным мыслям других, заставляла их спешить одеваться. Недавно они слышали проповедь про Давида, как этот чудный муж веры-псалмопевец, впал в грех потому, что увидел купающуюся обнажённую женщину.

— Идёмте, посидим вот здесь под деревом, — сказала Таня. — Я расчешу свои волосы.

Только они сели и Таня распустила волосы, как послышалось радостное приветствие:

— Здравствуйте, сёстры! — По дороге шёл стройный юноша Петя, ведя под узцы лошадь.

— Ты что её поить?

— Поить.

— Так ты посиди немного с нами.

— Некогда, сейчас управлюсь с лошадыю, да нужно на собрание вечернее не опоздать. А вы что, купались?

— Купались. Мы у тёти Агаши картошку пололи. Взмокли от жары и решили искупаться, — сказала Паша.

Петя ничего не сказал, отвёл лошадь в сторону. Лошадь вошла в воду и стала пить. Петя был весь потный. Ведя лошадь на водопой, он мечтал искупаться, но теперь тут были сестры и он, почесав затылок, подумал: «Неудобно». А идти далеко в сторону не было времени. Местность кругом была открытая. Напоив лошадь, он вскочил верхом на неё.

— Ну, прощайте, сестрички, — и поехал домой.

— А всё-таки я не понимаю, — сказала Таня. — Мы ведь при станции живём, что называется город, и везде здесь девчата и ребята купаются вместе и загорают на солнце.

— Это мирские, — заметила Паша. — А нам всё-таки неприлично. Ведь написано, что мы должны во всём поступать прилично, как святые.

— Так значит, — сказала Лена, — прячь своё тело даже от солнышка?

— Нет, загорать-то не грех, — заметила Паша, — но так, чтоб не видели, а то взглянет какой-нибудь брат, у него появится соблазн или похоть, а в Писании говорится, что не нужно давать повод к соблазнам.

— Ну, — сказала Лена, — ведь Спаситель сказал ещё так: «Если око твоё соблазняет тебя, вырви его». Пусть эти братья вырывают своё око, чтоб не соблазняться чрез него.

— А я слышала, в одном месте, — сказала Таня, — пошла молодёжь на речку.

Братья купались отдельно, а сестры отдельно. И вот одна сестрёночка стала тонуть. Пока братьев докричались, она и утонула. А купались бы вместе, глядишь, этого бы не было. Да, купаемся-то отдельно, могут и хулиганы обидеть. А с братьями-то лучше, безопаснее.

— В Писании сказано, — сказала Паша, — «К свободе призваны вы, братья, только бы эта свобода не была поводом к угождению плоти». У нас нет правил то не делать или это делать. Всё зависит от духовного состояния, сознания, обстоятельств. Павел рекомендует: «Каждый поступай по удостоверению ума своего». Пусть не осуждают нас, стыдящихся, и тех, которые не стыдятся купаться с братьями. Лишь бы всё было чисто.

— А скажи, Паша, я вот расчёсывала волосы при Пете, это может тоже нехорошо?

— А как ты сама думаешь?

— Да я прямо сама не знаю. Ведь волосы наша честь и красота. Ведь мы не прячем красоту наших лиц, зачем же мы будем прятать красоту наших волос? Паша ничего не ответила, и они пошли в гору, приближаясь к молитвенному дому. Было время начала собрания. Молитвенный дом был переполнен народом. Стало душно. Чудно пел хор. Среди голосов особенно ясно выделялся дискант Паши и бас её брата Гоши. Петя пел рядом с Гошей. Он сильно потел и изредка, незаметно, почёсывая затылок, всё думал: «Аль напрасно я не искупался, сестёр постеснялся, аль хорошо поступил, соблазн не принёс?» Среди проповедей особенно интересна была проповедь старенького, низкого ростом, всем известного по кротости брата Петрова. Он говорил о том, как женщина слезами омывала ноги Иисуса и волосами отирала их. Он говорил от сердца о любви к Иисусу, о покаянии пред Ним, о том, как лились слёзы у грешницы на ноги Иисуса, как она была прощена. На глазах многих присутствующих блестели слёзы. Далее брат коснулся волос. Он описывал картину любви к Христу этой женщины, которая своими волосами отёрла ноги Его. Он говорил о том, что растить волосы — честь для женщины. Это дано им как покрывало. И с горечью говорил, что некоторые стали подстригать волосы свои чуть не как мужчины. «Вот был бы Христос сейчас здесь, омыли бы вы Ему пронзённые ноги слезами?» — «Омыли». А вытереть волосами? — «Вот, у кого стриженные волосы, чтобы стали делать? Не вытрешь уже короткими!» Две хористки, у которых были подстриженные волосы — Нюся и Мила — сидели красные от стыда и низко опустили головы. После этой проповеди никто уже из девушек верующей молодёжи не отрезал своих волос.

Глава 2.

«Всегда ищите добра.» 1 Фес. 5:15.

Вечером, прежде чем лечь спать, Паша имела привычку открывать Слово Божие и читать Его. В этот воскресный вечер ей открылось Деяние Апостолов 9 глава 36-42 стихи. В доме уже все спали. А она, раздевшись, сидела на постели и не могла успокоиться. То, что она прочла, пронзило её душу. « Мы думаем: чем, как служить Господу? А вот тут так ясно, просто. Эта Тавифа-Серна, была исполнена милосердия и добрых дел, и не потому, что она была богата, а шила, имела в руках иголку и этим служила Господу». Чем больше думала Паша, тем ясней представлялся перед ней образ первохристианской девушки-ученицы Тавифы, простой портнихи.

«Господи, — молилась она, — дай мне хорошо научиться шить. Этим я прославлю Тебя ». На другой день она сказала матери:

— Мама, я непременно хочу стать хорошей портнихой.

— Ну что же, доченька, это очень хорошо. Ты с одиннадцати лет уже начала шить. Способности есть. Портнихи хорошо зарабатывают.

— А знаешь, мама, я для чего хочу хорошо зарабатывать?

— Для чего?

— Я хочу быть как Тавифа: творить много милостины и добрых дел.

Мать улыбнулась, радостно смотря на свою дочку.

— Да поможет тебе Господь, Пашенька, — сказала она.

С тех пор Паша особенно усердно занялась шитьем. Если её другие верующие подруги часто проводили время праздну в разговорах с молодыми братьями, в хождении по улицам, то она каждую свободную минуту от домашнего хозяйства и собраний проводила в шитье. Скоро ей стали давать маленькие заказы. Она делала их бесплатно, радуясь, что может делать доброе дело.

Однажды после того, как она много шила, Паша решила выйти отдохнуть на свежий воздух. Её подруги Лена и Таня вместе с другими хористами уехали в ближайшее село. Туда поехал приехавший известный сибирский благовестник брат Б. и молодежь, любимцем которой он был, вся направилась с ним. Паша тоже хотела поехать, её усиленно приглашали, но мама её была больна, и она считала себя не вправе оставить её. Среди многих её юных стремлений забота о матери и любовь к ней была не на последнем месте. До речки было близко, она прошла туда и села на берегу. Начинало смеркаться и загорались первые звёзды. Огромная луна выплывала из-за леса. Паша смотрела на текущую воду и невольно мысли её остановились на тех днях и годах, которые уже утекли из её жизни. Она вспомнила себя совсем молоденькой девочкой, любимицей семьи. Они росли без отца. Её братья занимались гончарным делом и этим содержали семью. Паша помнила, сколько радости ей было, когда её впервые пригласили в

церковный хор. Великолепие церковной службы всегда привлекало её. Когда же она стала петь, это давало ей большое удовольствие. Потом ей ярко вспомнились те острые переживания, которые доставил их семье её брат Гоша. Он ездил куда-то и вернулся другим человеком. Гоша восторженно говорил ей и маме о настоящей вере во Христа. Вся семья была против него. Паша помнила, как она старалась переубедить брата, что он попал не туда, куда нужно. Но он был неумолим. «Иди, посмотри, Паша, и убедись!»

И вот для того, чтобы разубедить брата, она пошла посмотреть. Это простое пение, эти проповеди сразу коснулись её сердца. Когда она слышала искренние молитвы верующих, увидела их любовь, её душа невольно поняла, что в церкви только обряд, там нет жизни, а здесь был, в этой скромной обстановке настоящий живой Христос, который благословляет людей.

— Тебе нужно родиться свыше, — говорил Гоша.

— Что-то ты удивительное говоришь!

— А я не только буду тебе говорить, а вот и почитаю. Я и Книгу приобрёл.

— Какую книгу? — с интересом спросила Паша.

— Библию, — ответил Гоша.

— Ты у нас, Гоша, стал как поп, — заметила Паша.

Но Гоша ничем не смущался и с увлечением рассказывал о покаянии, о возрождении, о спасении, дарованном Христом. Скоро для Паши настал счастливый день. Она удерживалась, но не могла. Непреодолимая сила влекла её к покаянию, к примирению с Богом. Стоя со всеми на коленях, она громко просила Господа простить её, дать ей новое сердце. Слезы раскаяния текли по её щекам. Встав с колен, она была уже новым человеком. Глаза сияли каким-то особенным покоем и миром. Ей хотелось всех обнять, всем делать добро.

Пришел день, когда вся их семья стала служить Иисусу. Все они — природные певцы — громко, не стесняясь, прославляли Господа в своём доме.

Уже темнело. Выше поднималась луна, яркие звёзды не гасли при лунном свете.

Пашё не хотелось уходить домой. Вереницы воспоминаний проходили в её душе. Вот ещё один славный день предстал перед нею. Ей всего 14 лет. Она резвая, здоровая, бодрая, стремится вперёд. Но ни игры, ни шутки интересуют её. Она хочет идти за Христом, не отставая! И когда она стала просить, чтобы преподали ей крещение, многие смутились.

— Подожди, Пашенька, ты ещё мала, подрастешь.

— Нет, нет! Я не могу ждать, — говорила она умоляющим голосом, — ведь я уверовала в Иисуса от всего сердца. А там написано: «Если веруешь от всего сердца, можно» Деян. Ап. 8:37.

И ей не смогли отказать. Вся же семья свидетельствовала о чистоте и святости жизни Паши. Настал этот незабываемый день и как поётся:

Тихие светлые воды

Пронеслись над её головой.

Дух Святой переполнил её сердце. Она умерла для греха, для этой несчастной

греховной жизни и стала жить для Иисуса.

— Были ли у меня искушения? — спрашивала она себя. — Да, были, но силой Иисуса так легко всё переносить. Да, но теперь пора домой. Ведь дома одна мама, ей скучно. Она встала, посмотрела на ночное небо и, не закрывая глаз, тихо произнесла молитву, стараясь перенестись душой туда, ввысь, выше луны, дальше звёзд, туда, где Иисус.

«Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя больше всего, но помоги мне быть верной тебе до конца».

Когда она пришла домой, братья ещё не вернулись. Она знала, что там, в той деревне, у них теперь целый праздник. Но она нисколько не завидовала им и не скучала. После маленькой молитвы там, на берегу реки, ей было так хорошо... Она всем своим существом ощущала близость Иисуса, и душа её ликовала.

— Доченька, где же ты была? — спросила мать, когда Паша кормила её.

— Я была на берегу реки, — ответила Паша.

— А с кем же ты была там? Ведь вся верующая молодёжь уехала.

— Я была с Иисусом, — тихо ответила Паша.

— Какая я счастливая, — думала мать, — все мои дети служат Господу. Нет ни ругани, ни ссор, ни пьянства, ни хулиганства. И за Пашу я всегда могу быть спокойна. Куда бы не пошла доченька, она не одна.

Глава 3.

«Поступают лучше». 1 Кор. 7:38

Посещение известного проповедника всколыхнуло все общины района.

Охладевшие и заблудшие возвращались в родную семью. Господь прощал их, и они снова радовались. Много новых грешников отдались Иисусу. Молодёжь была полна огня, желания служить Господу. Хор разучивал новые гимны, пели соло, дуэты, квартеты. Многие, способные к декламации, рассказывали стихотворения, которые пробуждали сердца, любители музыки прославляли Господа на скрипках, мандалинах, гитарах, балалайках.

Однажды вечером у Гоши собралась молодёжь. После краткой молитвы Гоша сказал:

— Братья дорогие, сёстры! Сколько радости у нас, сколько пения. Но вот мы мало изучаем Слово Божие. Это наш недостаток.

— Верно!

— Верно! — соглашались все.

— Тебе хорошо изучать, — сказала Паша, — у тебя своя Библия, а у меня нету.

— Бери, читай сколько хочешь всегда, — сказал Гоша. — Друзья, а у кого ещё нет Библии? — Несколько человек подняли руки.

— Копите деньги, друзья, — сказал Гоша. — Несомненно мы выпишем, нам пришлют. А пока читайте, что есть у родителей.

Договорились, что каждую неделю будут собираться по очереди у каждого, чтобы разбирать Слово Божие.

— А как с непонятными вопросами? — спросил Петя, ведь мы так мало знаем.

— Непонятные вопросы будем спрашивать у пресвитера, старших братьев, — ответил Гоша.

Еженедельный Библейский час молодёжи проходил в сердечном общении друг с другом. Каждый высказывал свои мысли о данном месте Слова Божия, в свете этого места проверяли свою жизнь, отмечали свои ошибки, молились. Во всём Гоша советовался со стариками, и община не могла нарадоваться, смотря на молодёжь. Многие неверующие дети верующих родителей стали посещать собрания. Паша, сидя в хоре, всегда старалась заметить вновь пришедших, и как только кончалось собрание, она спешила знакомиться с ними. Часто в искренней беседе они изъявляли желание покаяться. Паша и её подруги, Лена и Таня, молились о них, и они отдавались Господу. Паша прилежно читала Слово Божие. Она читала подряд и что откроется. Однажды её внимание остановила 7 глава 1 послания к Коринфянам. Она прочла её раз, ещё раз... И ей стало ясно, что остаться девицей лучше для служения Господу. В это время в собрании шли проповеди о полной отдаче Господу, о полном посвящении себя на служение Ему.

— Леночка, идём, Танечка, идём. Сегодня я открою вам моё сердце, — позвала Паша своих подруг к себе в дом после собрания.

Когда они пришли, мать позвала Пашу помочь ей по хозяйству.

— Лена, — сказала Таня, когда они сидели в комнате Паши, ожидая её, — что это она хочет открыть нам своё сердце? Как ты думаешь?

Лена повела глазами кругом, взглянула на столик Паши, где стояло зеркало, лежала расчёска и маленькая записная книжка. Над столиком висел текст: «Будь верен до смерти» Откр. 2:10.

— Не знаю, — пожалала плечами Лена, — возможно, кого-нибудь из братьев она полюбила. — Или, может быть, предложение ей кто-нибудь сделал, хочет посоветоваться?

— Возможно, — сказала Таня, — ведь её все так любят. Мне кажется, нет ни одного брата, который не был бы рад видеть её своей спутницей.

Скоро пришла Паша, и, вытирая руки о полотенце, сказала:

— Прежде чем говорить, давайте помолимся.

Они горячо помолились, прося Господа благословить их, и чтобы во всём была Его Святая воля.

— Лена, Таня, — вы мои самые близкие подруги, и я не могу с вами не поделиться, но с условием, обещайте никому, никому не говорить об этом.

— Хорошо, обещаем, — охотно согласились подруги. — Никому не скажем!

— Дорогие мои, я эти дни особенно молилась, даже постилась. Всё думала, как

целиком посвятить себя Господу? Не искать ничего в жизни для себя, жить только Им и для Него. И мне стало ясно, что нужно, как советует Павел, оставаться как он, не связывать себя семейной жизнью.

Она замолчала.

— Это хорошо написано, — сказала Таня, — но ведь сам Апостол пишет, что лучше вступать в брак, нежели разжигаться. Я вот тоже хочу служить Господу, но я не могу... Только, чур, об этом никому не говорить, — строго взглянула она на подруг, те кивнули головой в знак согласия, — и я часто мечтаю выйти замуж. Я вот даже сейчас сознаюсь, что немного люблю Петю, хотя виду никакого не показываю.

— Так вот, дорогие мои, — продолжала Паша, — мне стало ясно, что Господь зовёт меня всецело посвятить себя Ему. Я тоже такая же, как и вы, но я верю в силу Иисуса, Он силен спасти от искушений.

— Пашенька, — прервала её Лена, — так ты что вроде монашенькой хочешь стать?

— Нет, — сказала Паша, — я буду жить как все, трудиться день и ночь, только не для себя, всё для других. И вот вчера я дала обет Богу, что не выйду замуж. Подруги молчали. Они с любовью и восхищением смотрели на торжественное серьёзное лицо Паши. Они понимали, что Паша сделала шаг большой жертвенности. В слезах Паша вместе с подругами просила силы у Господа весь свой дух, душу и тело отдать на алтарь служения ближнему, всей своей юностью, здоровьем, красотой прославлять только Его.

Говорят, что сестры неумеют хранить тайну. Подруги Паши скоро своим языком подтвердили это. Скоро почти все узнали, что Паша дала обет безбрачия. Паша нисколько не обиделась на своих подруг, что они выдали её тайну. Это как-то не коснулось её. Она целиком была поглощена мыслью как больше, лучше служить Господу. Некоторые из верующих осуждали её и говорили, что так делать нельзя, и нужно только всё предоставить Господу, служить Ему, искать Его воли, а там Он Сам усмотрит, жениться, выходить замуж или оставаться так. Многие восхищались ею и смотрели на неё, как на образец самоотверженного служения Господу. Старик пресвитер, подозревая Пашу, наедине сказал: «Милая сестра, я слышал, ты дала обет Богу. Помни же, ты дала обет Богу, а не человеку. Не обманывай Бога, будь верна!»

— Бог силен помочь мне, — спокойно сказала ему Паша. Красивая, энергичная, сильная в слове и деле, Паша невольно привлекала к себе молодёжь. Но теперь все относились к ней не только с любовью, но с какой-то осторожной святостью. Все понимали, что нужно Паше помочь исполнить свой обет. Лишь иногда приедет какой-нибудь братик, не зная, начинает ухаживать за Пашей. Но узнав подробно о ней, он изменяет своё поведение и остаётся её искренним другом-братом. Паша не давала отдыха своему телу. Она всегда помогала матери по хозяйству, много шила, посещала больных, везде была с молодёжью. Её звонкое пенье, её сияющие глаза радовали и стариков и молодых. Она не

забывала и о детях, часто собирая их и рассказывая им об Иисусе. Никто не знал... Это знала только одна Паша, что стоило ей только побольше отдохнуть, посидеть хоть немного праздной, как начинало шевелиться то, что она называла плотью, появлялось какое-то желание ласки, нежности. Но она знала, что от этого легко избавиться, нужно только идти по Павлу, жить так, как жил он. И она не сидела праздной, и жила только делом Христа.

— Паша, — сказала Таня. — Я хочу тебе сказать нечто интересное — Петя мне сделал предложение. Я говорила с папой и мамой. Они согласны отдать меня. Ну и я, ты знаешь, люблю его, так что скоро будет объявлено, что мы жених и невеста.

— Радуюсь твоему счастью, — сказала Паша. — Апостол говорит, впрочем «каждый поступай так, как Бог ему определил» 1 Кор.7:17. Конечно, вы будете иметь скорбь по плоти и мне вас жаль. Я знаю, что как только вы начнёте строить своё гнёздышко, вы мало будете заботиться о Господнем, написано: «замужняя заботится как угодить мужу».

— Да, что ж, Паша, — сказала Таня, — я часть юности тоже отдавала Господу, своего не искала. Видно всему своё время. Ведь и семью то мы будем строить тоже для Господа.

Паша несколько не жалела, что для неё закрыт тот путь, который имела каждая из её подруг. Она знала, что путь её более превосходный. Когда пресвитер объявил в собрании, что Петя и Таня помолвлены, все их радостно поздравляли. Теперь они могли свободно, не вызывая разговоров и соблазнов, ходить везде вдвоём. Обычно вся молодёжь всегда бывала вместе. Уединяться от общения вдвоём или ходить парочками, считалось просто неприличным. Все были так охвачены духовными интересами, была такая всеобщая дружба, что не было того, что называется ухаживанием молодых людей за девушками. Молодёжь дружно пела: «Братья, сёстры, дружно, смело, Как один народ, совершать Господне дело Все пойдём вперёд!»

Глава 4.

«Благо есть славить Господа» Пс. 91:2

Приближались рождественские праздники. После собрания Гоша попросил всю молодёжь остаться.

— С нами хочет побеседовать пресвитер, — сказал он.

Когда все старшие разошлись, молодёжь уселась перед кафедрой и на месте хора. Пресвитер сказал, что он очень рад, что этот год Господь обильно благословил церковь, что послал во всём единодушие. Предстоят праздники и он бы хотел, чтобы все высказались как и что кто бы хотел сделать для Иисуса.

Некоторые из молодёжи, видимо, стеснялись высказываться в присутствии пресвитера. Поэтому Гоша встал и сказал:

— Слово Божие говорит о большой дружбе Иоанна с Петром. Это заметно до страданий Христа, а особенно по Воскресении Его. Иоанн — юноша, олицетворяет собой первохристианскую молодёжь. Пётр, женатый человек, у которого есть и тёща, и дом, — олицетворяет пожилой возраст. В лице двух поколений мы видим дружбу молодёжи и старших. Будем и мы не стесняться нашего старца-пресвитера, а будем обсуждать наши вопросы.

— Я бы хотел, — встал Петя, — чтобы как и всегда, в этом году на Рождество был устроен праздник молодёжи, детский праздник, а для всей общины — вечер любви».

— Очень хорошо, — сказал пресвитер, — это мы имеем в виду.

— Мы хотим, — сказал брат регент, — ночью перед Рождеством разделить наш хор на две части и рано утром на рассвете посетить пенем семьи верующих.

— Это всегда дает столько радости! — раздалась голоса.

— Я уже говорил с некоторыми, — встал один из юношей, молодой проповедник, — чтобы с некоторыми братьями и сестрами посетить маленькие соседние общины и порадовать их.

— А мы хотим, — сказал один из братьев, — подготовить подарки для тружеников в Слове — тексты.

— Всё это очень хорошо, — заметил пресвитер, — но мне бы хотелось услышать от каждого, кто лично чем будет прославлять Младенца Иисуса? Каждый из молодёжи вставал и говорил. Хористы в большинстве случаев в пении, музыканты — музыкой, умеющие декламировать — стихотворениями... Встала Паша.

— Ну, она у нас известная певица, — раздалась голоса, — соло, дуэт — за ней!

— Я думаю, порадовать Младенца Иисуса, — сказала Паша, — сшить Ему хорошую рубашенку.

Глаза многих выражали недоумение. Некоторые улыбались.

— Как же это так? — спросил пресвитер.

— А вот есть у нас многодетная семья, в бедности они, я хочу сшить детишкам рубашечки и подарить на Рождество.

— Чудная мысль, Паша, — заметил пресвитер, — Сам Иисус сказал: «То, что вы делаете наименьшему, то делаете Мне».

— Дорогие, — сказал Гоша, — вы также знаете, что Иисусу не нашлось места в доме, Его приют был хлев, ясли. Давайте сделаем так, чтобы в Рождественские дни Иисус был не в хлеву, не в яслях, а в доме нашем! Всех беспризорных детей или в нужде находящихся, пригласим на наши домашние угощения. Пусть они займут первое место за столом.

Все единодушно поддержали эту мысль. Скоро 25 декабря... Все охвачены жаром подготовки к празднику. С одними маленькими детьми сколько хлопот у Паши! Ей в этом помогают Таня и Лена и ещё несколько сестёр.

Разучивали с детьми детские гимны, стихотворения, детские рассказы. Для детей устраивали большую ёлку в молитвенном доме. Для праздника молодёжи разучивались новые гимны, стихотворения, художественно писалась программа праздника. Один из проповедников получил письмо, что из большого города к ним приедет группа молодёжи. Ожидание встречи гостей ещё больше подняло настроение. Среди молодёжи не было ни одного безработного, который бы ничего не делал, каждый старался внести свою долю труда и радости, готовясь к празднику. Оставалось всего несколько дней до Рождества... И вдруг!.. Словно гром среди тишины, мрак ночи среди ясного дня, разразилось неожиданное, страшное, зловещее!!!

Глава 5.

«Пойте славу имени Его» Пс.65:2

В те же годы, когда росла и развивалась Паша и её друзья, тоже под небом Сибирским среди раздолья полей и лесов, росли и стремились к Богу юноши и девушки сёл и деревень Омской области.

Володя встал и прошёлся по комнате. Ему было просто скучно. Ещё не так давно он был в Москве, был курсантом московских Библейских курсов, сколько было интересного, важного. Теперь он знал и ноты, знал ещё много из Слова Божия, чего не знают многие из верующей молодёжи. Жизнь сложилась так, что ему приходилось жить вместе со старшим братом, у которого своя семья и небольшое хозяйство.

Володя — высокий, статный, черноволосый юноша — много трудился в хозяйстве брата. Но это не удовлетворяло его. И вот сейчас, ходя по комнате, он вспоминал свои лучшие стремления и какая-то досада грызла сердце. Под кроватью лежал запылённый футляр — скрипка. Он редко доставал её. Висела полка с книгами. Он давно хотел заняться серьёзным изучением Библии и расширять свои знания с помощью других источников. Но, увы! Это были только желания...

Верно, он аккуратно посещал собрания, считался серьёзным христианином, ведь ему уже 27 лет. Несвязанный личной семьёй и детьми, он, казалось бы, многим мог прославить Господа, но, увы! Дни бежали за днями — серые, монотонные. Это, верно, потому, что я в деревне живу, — решил он, — надо уехать из Усовки. Но уехать пока не предоставлялось возможности. Ходя по комнате, он невольно вспомнил Некрасова:

«Мы ещё не в могиле, мы живы, Но для жизни мы мертвы давно.

Суждены нам благие порывы, А свершить ничего не дано».

Нет, нет! Прочь! Это пессимизм. Внутренний голос, сила молодости звала его к

труду.

В жаркий июньский воскресный день после пения и беседы в доме одних верующих молодёжь вышла пройтись по полю. Кругом зеленели нивы. Тысячи душистых цветов окаймляли края дороги. Слышалось стрекотание кузнечиков. День склонялся к вечеру, и солнечные лучи уже не дышали зноем.

— Пора нам уже и расходиться, — сказал Володя, подавая руку Мите и его сестре Нюре.

— Какая красота кругом! — сказал Митя, — а мы скучаем.

— Да, — подтвердила низенькая хорошенькая девушка Дуся, — нам с Лилей на хуторе так скучно, не знаешь, куда пойти, а в праздничный день ещё хуже, от тоски не знаешь, куда деваться.

— Это верно, — сказал Володя, но хватит нам тосковать! У меня уже появились мысли: организуем хор, будем проводить спевки, посещать соседние посёлки, хутора. Это для нас будет хорошим радостным занятием. Все подхватили мысль Володи.

— Но вот вопрос, кто же будет регентом? — сказала родная сестра Дуси Лиля, и лукаво взглянула на Володю.

Всем было известно, что он ноты лучше всех знает. И у него есть скрипка.

— Тебе, тебе, Володя, быть регентом, — слышались голоса.

Володя вынул платок и вытер мокрый лоб.

— В мои планы, — сказал он, — совсем это не входит. Я хотел свободное время отдать чтению книг, чтобы понять, к чему мы должны стремиться. Но ради вас, дорогие друзья, чтобы не туманно проходила наша жизнь и чтобы не уйти нам на другую дорогу, я согласен начать задуманное.

Далее он начал развивать мысль, что значит хоровое пение, значение дискантов, альтов, теноров и басов. Предложил пригласить в хор Гулевых ребят — Тиму и Ваню, которые обладали хорошими голосами. Все единодушно согласились. Сёстры уже, сверкая глазами, мечтали, как они будут петь, выступая перед собранием.

— С Божьей помощью начнём, — сказал худощавый Митя, — и всё будет как по маслу. Молодёжь крепко пожала друг другу руки. И рассталась на неделю.

На следующий день Володя вечером пошёл туда, где гуляла молодёжь.

Молодёжь хутора устраивала игры, пела весёлые песни. Среди поющих особенно выделялся бас Вани Гулёва.

«Мне нужно позвать Тиму, — решил Володя, — а уж он сам после поговорит с Ваней». Увидев Тиму, он поманил его к себе.

— Ах, Володя, добрый вечер! Я вот шел по улице и забрёл сюда, — говорил он, кивая головой на играющую молодёжь. — Знаешь, Володя, некуда деваться, вот куда-нибудь и попадёшь, — продолжал он, несколько краснея.

— Идём, Тима, пройдемся, — и они пошли по улице. — Знаешь, Тима, мы, молодёжь верующих родителей, решили организовать хор. В нём набирается уже 12 человек. Но есть затруднения: нет хорошего баса и тенора. Мы решили

пригласить тебя с братом.

— О, Володя! — воскликнул Тима, — мы с радостью готовы пойти в вашу кампанию. А кто регент?

— Регентом буду я. Хотя я и не специалист, но начнём с простых песен и, уча, будем сами учиться.

— Вот это замечательно, — сказал Тима, — а откровенно говоря, Володя, нам давно пора стать задушевными друзьями.

— Это я приветствую, — сказал Володя, — будем как Ионафан и Давид.

Глава 6.

Помни Создателя твоего в дни юности твоей. Еккл. 12:1.

Первая спевка была в доме юных сестёр Дуси и Лили Петровых. Все пришли вовремя. Пятеро были с хутора Усовки, а остальные были из других местечек. После дневной работы, пребывания на свежем душистом воздухе полей, молодёжь была загоревшая, бодрая. После краткой молитвы все расселись по скамьям. Петровы жили бедно, и стульев не было. Дисканты заняли первый ряд, альты — второй, а теноры и басы — встали сзади и сбоку. Сердце Володи трепетно сжималось. По его немного дрожащим пальцам можно было заметить, что он волновался. Все лица были серьёзны. Чувствовалось, что каждый сознаёт важность начинаемого дела. Движением руки Володя поправил свои густые чёрные волосы и начал вступительную речь.

— Дорогие друзья, я должен вам сказать, что мы теперь стоим перед трудной задачей. Вы думаете, перед вами регент, и дело пойдёт? Нет, это не всё. Во-первых, перед вами регент такой, который не регентовал, так что мы вместе будем учиться и практиковаться. Во-вторых, прощайте все мои неуменья. Так жить скучно, создадим хор, будет веселее. Терпение и труд — всё перетрут. — Ладно, ладно, Володя, — закричали все, начнём с простеньких, всё будет хорошо.

В первую спевку разучивали гимны: «О, город жемчужных ворот», «Быстрым орлом я хотел бы летать» и другие. Пение получалось красивым, и хористы радостно улыбались и торжествовали. Правда, регент не раз сбивался в дирижировке, краснел, потел, но хористы делали вид, что не замечают этого. Всё прошло гладко. Возвращаясь домой, дорогой оживлённо обсуждали начатое дело. Все чувствовали, что начали хорошее, доброе дело, и Господь обильно благословит.

— На следующую спевку, — кричал Володя, уходящим в другую сторону, — захватывайте с собой нотные сборники, будем петь больше по нотам.

Возвращаясь домой, Володя и Тима тихо беседовали между собой.

— Володя, — сказал Тима, — мы идём на откровенность. Я очень люблю дружбу. И хочу спросить тебя, может быть, среди твоих знакомых есть более подходящая? Я мог бы иметь переписку, получать письма от неё. Я вот держу дружбу с Шурой Б., проводя с ней свободное время.

— Так что же? — сказал Володя, — мы её пригласим в хор, и дружи сколько хочешь.

— Нет, Володя, — сказал Тима, — я с ней дружил просто так, потому что не с кем другим проводить время. К тому же она скоро уезжает отсюда. Вот мне Лиля Петрова нравится. Ты её знаешь хорошо?

— Да, знаю, — ответил Володя, — очень скромная девушка, приятная лицом и вообще собой. Ведёт себя хорошо. Приветливая, умная. Только знаешь что, — подчеркнул Володя, — дурные привычки, бесполезный смех, шутки нам нужно изживать.

— Это несомненно! — согласился Тима. Они пожали друг другу руки, пожелали спокойной ночи и разошлись. — Да! Мы — молодёжь, не можем сидеть как старики, мы должны развлекаться, но только у нас всё должно быть чинно и благоразумно.

Тима всё больше увлекался Лилей, Ваня — Дусей. После спевки они всегда провожали их и о чём-то долго беседовали. Регент хора не находил в этом ничего плохого и не делал им никаких замечаний.

Сам Володя ещё не имел такой сестры, к которой бы льнула душа его. И тогда, когда его друзья были заняты разговором с другими девушками, он уходил в поле, смотрел на густую высокую рожь и невольно воспоминания одно за другим посещали его. Вот он вспомнил, что была такая же рожь, какую жала его покойная мать. Он был совсем маленьким. Играл около телеги, рвал полевые цветы. Вспоминал, как первый раз он хотел поднять тяжёлый сноп и не мог, а к вечеру его накусили комары и он расплакался.

— Улетело беззаботное детство, — думал он, — пройдут и молодые годы, уйдут и эти дни нашей чудесной дружбы. Держи, что имеешь, — вспомнил он, — нужно дорожить сегодняшним днём и спешить славить Господа.

Глава 7.

«Бодрствуйте» Матф. 26:41.

На следующей спевке Володя предложил не откладывать дальше выступление хора, а на следующее воскресенье открыто петь в собрании. Как не боялись, как не стеснялись некоторые хористы, всё же предложение Володи победило, и

на следующее воскресенье хор сидел отдельно в молитвенном доме, и много слушателей ожидало их выступления. Хористки были в новеньких, хорошо выглаженных платьях. Костюмы, рубашки и галстуки братьев хористов были безукоризненны. У всех на груди красовались значки — лира — символ музыки. Некоторые из старших братьев, глядя на них, улыбались. А один старичок спросил другого;

— Что это они нацепили себе?

Сосед шепотом ответил:

— Да так что-то. Дети, пусть потешатся.

Хотя Володя до выступления хора каждую минуту в доме упражнялся над дирижировкой, всё же первое выступление прошло не совсем гладко. Как говорится, первый блин всегда комом.

Володя очень волновался, ошибался, задавая тон, хористы не начинали петь, показывая знаками, что тон неправильный, проверял тон и терялся. Дуся — передовая хористка — помогала ему, беря верный тон. После того, как были пропеты первые гимны, и пение показалось всем очень красивым, хористы и регент стали так смелы, что начали петь гимны, которые ещё не были окончательно разучены. После собрания хористов поздравляли, желали дальнейших успехов и пригласили в один дом на обед. Этот обед был обычный — щи, каша, — но благодаря жизнерадостности хористов, в любви, которая наполняла все сердца, он прошёл как пир особого праздника. Вечером хористы долго не расходились домой. Они всё провожали друг друга, беседуя о своих стремлениях, желаниях служить Господу и больше славить Его. Вечером, лёжа на кровати, Володя проверял своё сердце. Тима и Ваня неоднократно говорили ему, чтобы он больше внимания уделял Шуре Б., так как её родители очень хотят, чтобы он женился на ней. Но, проверяя своё сердце, Володя нашёл, что оно больше благоволит к Любе. Интересуясь Любой, он через подругу узнал, что Люба любит Тиму. Но Тима, как он тоже знал от него, даже не хочет смотреть на неё. Из расспросов подруги Любы, Володя узнал, что Люба с детства любит Тиму. И надеется, что он непременно будет её. Она очень страдала от этой любви, не встречая взаимности. Зная состояние души Любы, Володе неудобно было ухаживать за ней. У Володи появилась мысль: «Все девушки хорошие, и я сам хорош, — здоров, красив лицом. Буду ухаживать за всеми». Ложась спать, Володя открыл Слово Божие. Он прочёл: «Поступайте по духу и вы не будете исполнять вожделение плоти.». Эти слова как-то кольнули его. «Это не ко мне», — решил он, лег в постель и быстро уснул.

Глава 8.

«Юношеских похотей убегай » 2 Тим. 2:22.

Желания влекли, и Володя начал действовать так, как ему хотелось.

Прошедший вечер он проводил с Шурой Б., сегодня уделял он время Любе, в следующий раз Дусе... и так далее. Девушки начали смеяться над своим регентом и говорили: «Он гуляет с нами по очереди, он всех любит, ему все нравятся».

Иногда они после спевки, отделившись от братьев, говорили между собой: «И откуда это у Володи берётся любовь, что у него для всех хватает? Сегодня чья очередь? Кажется твоя, Люба?» Они шутили с Володей и смеялись над его поведением. Однажды сестра Дуся со смехом сказала ему: «Володя, я уже знаю свою очередь и жду, когда ты на время будешь моим, вот уж побеседуем!»

Володя конфузился от этих слов, но всё же продолжал действовать по-старому. Провожая сестёр, он рассказывал им разные примеры из интересных книг, рассказывал истории различных романов, иногда он начинал философствовать: — Природа есть роскошный, богато убранный стол, — говорил он Дусе, — откуда можно брать лучшую пищу для своего развития, чтобы иметь силу, уверенность и уметь приобрести симпатию у каждого человека.

Наконец, некоторые сестры не выдерживали и говорили ему прямо в глаза: — Володя, ты нехорошо себя ведёшь. Нам приятно слушать тебя, но твоё поведение нехорошее. Лучше было бы для нас всех, если бы ты избрал себе одну, которая тебе больше нравится и определённо был бы с ней. И наши взаимоотношения с тобой были бы лучше.

— Как же я выберу кого из вас, — говорил Володя, — если все вы для меня одинаково хороши и добры. И у меня нет определённого решения связать себя семейной жизнью. Я один — меньше забот. «Одна голова не бедна, а бедна, так одна», — говорят люди.

— Ну так вот что, — сказала Дуся, — не будь к нам так добр и ласков, чтобы нам не думать ничего. Ни к чему нам твоя доброта и ласковость.

Этот разговор с Дусей заставил Володю задуматься о себе.

— Действительно, не пора ли мне подумать о семейной жизни, — подумал он, — но почему же на сердце так мертво и тихо? Неужели возможен брак без любви? Только на одном холодном рассуждении?

Лето кончалось. Хлеб убирали. Листья на деревьях блекли, старели. Осень вступала в свои права. Души же хористов были весенни по-прежнему.

Разучивали всё новые гимны, смело пели их. Тима всё больше дружил с Лилей.

— Володя, — говорил он, — моя сестра Маруся, приехав из Иссык-Куля, прямо сказала мне: «Женись, Тима, на Лиле, лучшего друга не найдёшь». Правда, она из бедной семьи, но не это меня беспокоит. Нехорошо то, что, если я женюсь на

Лиле через её старшую сестру Дусю. А она ещё не вышла замуж...

— Это ничего, — сказал Володя, — лишь бы было решение судьбы, а то выходит, если Дуся не выйдет замуж, то и Лиля одна должна оставаться?

— Так то, так, Володя. Но откровенно говоря, у меня такая мысль. Помнишь ты мне очень хвалил Дусю как сестру и как девушку?

— Помню, она и сейчас мне нравится.

— А как бы хорошо было, — воскликнул Тима, — я бы женился на Лиле, а ты — на Дусе. И мы могли бы в один день отпраздновать нашу свадьбу. И даже за одним столом. Давай это не будем далеко откладывать и на днях решим. Ты — на Дусе, я — на Лиле.

— Хорошо, — сказал Володя, — раз уж у нас такая судьба, то ты говори с Лилей, а я с Дусей.

Володя, решившись на этот шаг, был совершенно спокоен. Жениться так или иначе надо было. Иначе получалось плохое поведение.

На следующий день друзья уже были в гостях у Дуси и Лили. Недолго они сидели в комнате.

— Проводите нас, сёстры, — сказали они. Те согласились. Ночь была тёмная.

Дул холодный ветер. За двором Петровых был густой лес, за лесом — поляна.

Тима пошёл с Лилей в одну сторону, а Володя с Дусей пошли по направлению к поляне. Дуся была без платка. Её красивые каштановые волосы кудрявились, окаймляя её лицо. Это лицо Володе нравилось.

— Дуся, давай посидим здесь на поляне, — сказал Володя.

— Нет, мне холодно, — ответила она, — лучше давай погуляем.

— Дуся, скажи, чем занято твоё сердце? Какое есть чувство?

— Теперь мне хорошо, — ответила Дуся, — с тех пор, как я славлю Господа в хоре, жизнь стала интереснее. Я бы очень хотела разучить некоторые гимны. Например: «Папа, мой папа» и другие.

— У тебя очень хороший вкус к мелодиям, но я не об этом. Тебе сколько лет?

— Двадцать семь.

— Так ты не думаешь ли выйти замуж?

— Как я могу думать об этом, — сказала Дуся тихо, — судьба моя в руках Господа. Я не чувствую своих лет. Может быть, мне и пора замуж, но я не сознаю этого.

— Дуся, — сказал Володя, — давай присядем здесь. Мы знакомы три года. Я уважал тебя и раньше, а теперь хочу, чтобы мы были с тобой одно.

Впоследствии в моё сердце придёт и любовь и радость к тебе. Согласна ли ты быть моим вечным другом?

Дуся низко наклонила голову и молча пощипывала траву. Дуся молчала...

Прошла минута, другая... Он взял её за руку. Её рука послушно оставалась в его руке. Бесконечная кротость, беззащитность чувствовалась во всей фигуре Дуси.

— Дуся, что же ты мне скажешь?

Она молчала...

Володя понял, что это был отказ. Но это не привело его в отчаяние. Он не был обижен природой, и верил в своё счастье. «Значит, не судьба!» — решил он. Возвращались назад молча.

— Ну, Володя, говори что-нибудь, — говорила она, — молчание тяготит.

— Мне нечего больше с тобой говорить, — сказал он, подавая руку Дусе, прощаясь с ней. Никогда он ни с кем не прощался с таким холодом, как сейчас с Дусей. Подойдя к Тиме, который уже кончил разговор с Лилей, он по виду друга определил, что и у него ничего не получилось.

— А всё-таки я промёрз, — сказал Тима.

— Да, сегодня холодно, — заметил Володя. И друзья молча и торопливо зашагали по дороге, направляясь домой.

Глава 9.

«Прощайте» Еф. 4:32.

Через некоторое время Володя поехал по делам в соседний город, и ему пришлось проезжать мимо дома Петровых. Обычно он всегда заходил к ним. И в этот раз он зашёл в их избушку. У них сидел брат Андрей и оживлённо рассказывал свои переживания. Поздоровавшись, Володя сел и стал слушать. Потом извинился, сказал, что торопится, и стал прощаться. Дуся, не глядя на него, холодно подала руку.

— А всё-таки, Дуся, — шепнул Володя ей на ухо, — если бы ты дала мне согласие, теперь мы были бы муж и жена.

— Значит, не судьба наша, — сказала Дуся.

Скоро по всему хутору распространились слухи, что Володя делал предложение Дусе, и она отказала. Друзья стали подсмеиваться над Володей.

— Ведь она говорит, — смеялись они, — не могу любить Володю, не хочу даже разговаривать с ним.

В душе Володи возникли обида и горечь. Уже спевки, пение хора не доставляли ему радости. Он потерял всякое равновесие.

— Ведь могла же она сказать мне всё это, зачем она говорила людям? Вовек не забуду я этих слов, — думал он.

Проезжав мимо дома Петровых на машине, он увидел Лилю и Дусю. Они радостно приветствовали его. Он сумрачно кивнул им головой и тут же отвернулся. Сердце его было переполнено горьким чувством обиды на Дусю. Весть о плохом взаимоотношении быстро распространилась среди хористов. Пошли разговоры...

Это мешало работе хора. Теперь, когда кончались спевки или сестры

встречались с братьями в другое время, они не разговаривали радостно друг с другом. Что-то нехорошее, тяжёлое повисло между ними. Некоторые юноши встали на сторону Володи и обвиняли Дусю. Сёстры оправдывали Дусю и обвиняли Володю.

Однажды к Володе пришёл Тима и стал приглашать пойти с ним к ним домой, где собралась молодёжь. Володя наотрез отказался. На утреннем собрании в Воскресенье в хоре что-то не ладилось, хотя внешне пели неплохо. Глаза Володи часто встречались с глазами Дуси. Её глаза выражали жалость и сострадание. Володя внутренне страдал, но старался иметь спокойный вид, серьёзный. В один из вечеров пятеро хористов, в том числе и Дуся с Лилей, пришли к Володе.

— Слушай, Володя, — сказал Тима, — было всё хорошо. К чему эти неприятности? У нас к вам с Дусей товарищеская просьба: будьте друзьями, эти неприятности вредят делу Божьему. Иди, Володя, сейчас же, бери с собой Дусю и поговорите с ней, а мы подождём.

Они оделись, вышли и остановились около изгороди.

— Дуся, — сказал Володя, — ты меня любишь или ненавидишь?

Лицо Дуси было бледно, руки дрожали.

— К чему все эти неприятности? — сказала она. На глазах заблестели слёзы.

— Да, к чему? — подтвердил Володя. — Христос учил: «Будьте как дети». У детей неприятности быстро проходят. Они опять дружат вместе.

— Будем друзьями, — сказала Дуся, — я тебя не ненавижу, а уважаю тебя, но не могу сказать, что люблю.

— Значит, судьба наша такая, — сказал Володя, — теперь мы будем только друзьями. Я буду по-прежнему называть тебя ласкательными именами, милая Дусечка, мы остаёмся друзьями навеки.

Они вернулись к хористам, и те искренне поздравляли их, что обиды забыты и всё покрыто любовью.

Глава 10.

«Вникай в себя и в учение» 1 Тим. 4:16.

Хлеб на полях убрали. Гумна были заполнены скирдами. Слышались свистки локомотивов, шум молотилок. У молотилок дружно, весело работала молодёжь. На небе плавали осенние тучи. Над голыми нивами носились стаи галок и грачей. Хор по-прежнему пел, спевки проходили регулярно. Голоса развивались, пение становилось стройнее. По-прежнему хористы любили друг друга, вечерами провожали, долго гуляя по скошенной ниве. Иногда они

начинали смеяться, кто на ком женится, кто за кого выйдет замуж. Но почему-то, несмотря на ухаживание некоторых братьев за сёстрами, никаких свадеб не получалось. Несмотря на хорошее пение, не было глубокой духовной жизни. Не уделялось времени для уединённой и общей молитвы, не было Библейских часов изучения Слова Божия, а главное, не было также искренней глубокой дружбы со старыми опытными братьями. Многие молодые юноши и девушки считали, что молодёжь не должна жить в рамках руководства стариков, что молодёжи нужно дать полную волю, тогда им жизнь не скучна. И вот теперь, обходясь без советов опытных братьев, казалось, свободно строя своё личное счастье, свободно гуляя друг с другом, они не получали благословения Божия. Многие имели желание построить хорошую семейную жизнь, и были хорошие женихи и невесты, но ничего не получалось. Господь видел суету, незрелость их сердец и не давал им благословения.

Глава 11.

«В скорби будьте терпеливы » Римл. 12:12.

Теперь Паша часто просыпалась ночью, вставала на колени и в слезах молилась Господу. Ей ближе и понятнее стала жизнь Апостола Павла, понятно и то, что он находился в бдениях(в ночных молитвах). Страшное горе потрясло общину, её семью и семьи многих других. Совершенно неожиданно были арестованы некоторые ревностные верующие, в том числе пресвитер общины, Гоша и другие.

Несмотря на то, что не только родные и верующие, но и весь народ знал, что это кроткие любящие люди, во всём покоряющиеся власти и считающие её слугой Божией, люди рабочие или имеющие хозяйство, их обвинили в тяжких преступлениях и куда-то угнали. Все те радости, которые ожидалось на праздник Рождества, рухнули. Детский праздник, юношеский праздник были запрещены. Ожидаемые гости не приехали. Рождество прошло в слезах. Но всё же среди общего горя ярким утешением светила Вифлеемская Звезда, указывающая на Рождённого Спасителя. Не отчаяние, а глубокая надежда, жила по-прежнему в сердцах верующих. Паша сшила рубашечки и, посетив многодетные семьи, порадовала их. В Рождественскую ночь, несмотря на то, что боязливые говорили, что не время славить Христа по домам, молодёжь посетила каждое семейство, и тихое чудное пение: «Тихая ночь, Дивная ночь », как целительный бальзам коснулось сердец скорбящих.

По домам за праздничный стол были приглашены бедные сироты. Им была оказана любовь. Но больше всего любви было оказано в эти дни узникам.

Верующие собирали передачи и относили в тюрьмы, посылали в лагеря. Горе не разбило веру, надежду, любовь. В сильный ветер страданий полились ароматы любви от сада христианства.

«Поднимись ветер с севера, и принеси с юга, повеи на сад мой, -и польются ароматы его! » Песни Песней 4:16.

— Мама, ты не плачь, — говорила Паша, обнимая мать, — с Гошей всё будет хорошо. Мы молимся, Господь всё сделает к славе Своей.

— Я знаю, Пашенька, что написано : «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» Матф. 5:12. И я верю Богу, да только всё-таки скорбит моё материнское сердце.

— Мама, давай помолимся, легче станет!

И, преклонив колени, дочь и мать возносили свои воздыхания к Тому, Кто Один только мог помочь и поддержать страдающих. Теперь Паше работы прибавилось ещё больше. Нужно было много шить, чтобы поддержать семью, чтобы посылать посылки узникам. Кроме того, переписка её увеличилась в несколько раз. И заключённым, и их семьям, она писала длинные письма утешения, ободряя их упованием на Бога. Не проходило и недели, как она посещала в их городке те дома, где были взяты братья. Она приходила туда как светлый небесный ангел, утешая жён, ласкала и играла с осиротевшими детьми. Нередко поздней ночью, ложась измученной, усталой физически, она преклоняла колени и от души возносила Богу благодарение за то, что Он сохранил её от замужества, что теперь она целиком может отдать себя для страждущих, не на словах, а на деле послужить Господу. Плоть молчала, Дух горел, и Паша чувствовала каждый день благословляющую руку Отца. Некоторые её подруги, которые вышли замуж, а теперь остались без мужей, говорили:

— Мы прямо тебе завидуем, Паша.

— Нехорошо завидовать, — отвечала Паша, — каждому дан свой путь, свой крест.

Глава 12.

«Дни мои бегут» Иов. 7:6

Несмотря на тучи и непогоду, новый год молодёжь решила встречать все вместе. Правда, было некоторое затруднение, в каком доме собраться для встречи нового года? Старики боялись, как бы не получились осложнения и новые неприятности. Но мать Паши сказала просто:

— Зови всех к нам, Паша. Без воли Господней и волос с головы не падёт. Мы славили Его всем домом нашим, и, хотя нет Гоши, он перед Новым годом всегда собирал молодёжь у нас, мы и теперь пригласим их к себе. Перед Новым годом к Паше пришли её подружки, мать поставила тесто и они занялись стряпнёй.

— Ты, Паша, сиди шей, а мы уж тут без тебя управимся, — говорила ей Таня, — только вот кто теперь на новогоднем вечере руководить-то будет? Гоши нет, Пети нет.

— А мы попросим Дмитрия, — сказала Паша, — он хоть маленький, но такой энергичный.

— Но тебе придётся ему помогать, — сказала одна из недавно обращённых молоденьких сестёр, с восхищением смотря на Пашу. В эти дни для молодёжи Паша была примером и образцом. Каждый хотел её видеть, говорить с нею. Некоторые даже в манерах и в покрое платья старались подражать ей.

До Нового года осталось не более полутора часов. За столом в большой комнате собралась молодёжь бодрая, жизнерадостная. Несмотря на то, что на столах было расставлено всё красиво и привлекательно, вкусно и приятно, никто не хотел думать о пище.

— Дорогие друзья, — сказал Дмитрий, юный брат своим ещё тонким мальчишечьим голосом, — не пищей и питием закончим мы этот старый год, и не пищей и питием начнём новый. Сейчас же мы споём, а потом Паша нам скажет Слово.

— Что же споём? — шепнул он рядом сидящей соседке, которая держала в руках гусли.

— Споём «Летит безжалостное время», — тихо предложила она.

— Будем петь, — громко предложил, улыбаясь, Дмитрий, — «Летит безжалостное время».

Громко в глубокой серьёзности пела молодёжь этот гимн, рисующий скоротечность жизни и ожидаемую вечность. Когда закончили, Паша взяла с маленького столика Библию и открыла её. Было тихо, лишь слышно, как отбивают время висящие на стене часы.

— Друзья, — сказала Паша и обвела взором любви всех присутствующих, — кончается год, мы собрались здесь. Мы верим — Иисус с нами. Мы уже просили Его об этом. Но некоторые дорогие любимые наши далеко от нас. Они не имеют всего, что есть у нас, но в эти часы, я чувствую, их сердце с нами.

Будем и мы весь этот вечер душою находиться с ними. Как и написано:

«Помните узников, как бы и вы с ними были в узах» Евр. 13:3. Вот эта Библия

— Библия моего дорогого брата Гоши — из неё я прочту только один текст. — Паша медленно внятно прочла: «Научи нас так счислять дни наши, чтобы приобрести сердце мудрое».

Далее она просто рассказала, что встреча Нового года есть также счисление дней, отчёт за прошлое и мольба к Богу о благословении на Новый год. Мы

сделаем так, — продолжала она, — каждый из нас кратко скажет, что он имел от Господа в этом оканчивающемся году и что он хочет получить от Него в следующем году. Потом мы с вами без 15 минут двенадцать, — Паша взглянула на часы, — преклоним колени и в молитве, в общении с Господом встретим Новый год. Согласны?

— Согласны! Согласны! — раздались радостные голоса. — Лучше быть не может.

— А потом, — сказала Таня, — будем поздравлять друг друга, петь. »

— И принимать пищу в простоте и веселии сердца, — добавил Дмитрий, — как первые христиане.

Один за другим вставали юноши и девушки и кратко говорили о том, что имели они от Господа в этом году и что желали бы в грядущем. Многие говорили о большой радости, которую они имели в этом году, — в семьях их были покаяния и родные отдавались Господу. В своих желаниях на Новый год также были высказаны мысли, чтоб их близкие, отцы и матери, которые ещё не уверовали, отдались Господу.

— Господь посетил нас горем, — сказала мать Паши, — и вот моя к Нему просьба на следующий год, чтобы все наши родные вернулись домой.

— Это наше всеобщее пожелание, — сказала Лена.

— Я благодарю Господа, — сказала Паша, — в этом году Он мне ясно показал мое место в деле Его. Моя обязанность — помнить узников. И на следующий год я ничего не хочу просить у Него, как бы только дал Он мне силы всю свою юность, здоровье, время отдать на то, чтобы помнить узников.

Некоторые рассказывали о своих успехах в учебе и говорили о своём желании в Новом году ещё успешнее учиться, чтобы потом все знания и силы отдать ради Христа и Евангелия на благо народа. Дмитрий взглянул на часы и сказал: «Уже без двадцати двенадцать». »

— Давайте за эти пять минут перед молитвой споём:

«Как скоро дни летят вперёд

Неслышной чередой,

Вот день один к концу идёт,

Вот настанет другой.

Час за часом, день за днём,

Мы к концу забот идём,

Вот последний час пробьёт,

И Спаситель наш придёт».

Последний куплет пели стоя:

«Когда настанет жданный миг,

Расстаться мне с землёй,

Ты вспомни между слуг Твоих

Спасённого Тобой ».

Отодвинув скамьи от столов, все опустили на колени, и один за другим

начали молиться, благодаря Бога за оканчивающийся год и просили, чтобы вместе с Ним войти в следующий Новый год.

Один юноша горько плакал и говорил: «Господи, прости меня, что я в этот год был как бесплодная смоковница. Хочу Тебе приносить плоды. Научи меня».

Все просили, чтобы Господь помог узникам и, если возможно, вывел их на волю, вернул детям отцов, матерям — детей, жёнам — мужей.

Когда окончилась молитва, было 20 минут первого.

— С Новым годом, друзья! — крикнул звонко Дмитрий и, обняв рядом стоящего брата, поцелуем приветствовал его. Все поздравляли друг друга.

— С Новым годом! С новыми благословениями от Бога! С новыми подвигами!

Усевшись за стол, спели:

«Как быстро дни наши текут,

Как тень они проходят,

И нас с собой туда влекут,

Откуда не приходят.

Ещё скитанья год прошёл

В стране земной несчастной,

И странник ближе подошёл

К стране своей прекрасной.

Не дай нам в скорби унывать,

Но дай всегда смиряться,

К Тебе с молитвой прибегать

Перед Тобой склоняться».

Глава 13.

«В темнице был, и вы пришли ко Мне» Матф. 25:36.

Новый год принёс новые скорби. Закрыли общину, отобрали молитвенный дом. Узников отправили далеко, и только родные изредка получали от них письма. Некоторые верующие с семьями уезжали. Другие, занявшись целиком суетой, старались не выделяться от окружающих. На некоторых напал страх, старались не посещать друг друга. Но большинство — бодрствовало. По домам в своих домашних церквах читали Евангелие, молились, не забывая друг друга. Молодёжь горела. Вечерами являлись они то в один дом, то в другой, горячо молились, пели, призывали: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение».

Паша везде успевала. Теперь Библия, которая осталась от Гоши, стала её неразлучным спутником, другом, советником. Каждый свой шаг она согласовывала с Библией. Как иные девушки для того, чтобы быть в порядке,

часто заглядывают в зеркало, так Паша часто заглядывала в Библию, чтобы вести себя достойно христианки. Много было искушений, трудностей в эти дни, но силой Господа она всё преодолевала.

— Что-то ты, Паша, стала какая-то задумчивая, — спросила мать, — раньше ты не была такой.

Паша молчала. Друзья, молодёжь, да и все пожилые стали замечать, что Паша стала какая-то иная. Редко можно было видеть её теперь смеющейся. Правда, тихая, кроткая улыбка не сходила с её лица, но в глазах можно было прочесть какую-то грусть, какую-то затаённую думу.

Один раз, придя после посещения семьи одного брата, она сказала матери:

— Мама, я больше не могу! Я уеду!

— Что ты, доченька, куда, зачем?

— Туда, к ним, к заключённым!

— Сейчас я читала письмо, которое прислал брат. У них столько переживаний, я могу быть полезной им там. Я умею шить, прокормлю не только себя, но помогу и им. Там увижу и Гошу. Всем, всем я буду нести только утешение.

— Эх, дочка, сказала мать. Была бы ты юношей. Это легче было бы. А ведь ты девушка. Не ровен час, обидит кто. Лишилась сына, лишусь и тебя. И вы сведёте меня в могилу.

— Зачем ты, мама, так говоришь? Ведь я не одна, я с Иисусом.

Мать долго отговаривала дочь, но, видя её твёрдое решение, сказала: «Да благословит тебя Господь».

Скоро все узнали, что Паша собирается в дорогу. Покидает родной дом, мать, друзей своих ради узников. Молодёжь не сводила с неё глаз. Все они восхищались ею.

— А может быть, кто поедет со мною? — спросила Паша, когда они были все вместе. Все молчали. Никто не отозвался на предложение Паши. Каждый был занят своими делами, никто не хотел пожертвовать личным ради посещения узников. Паша с грустью посмотрела на них, вздохнула и сказала:

— Да, хорошо мы поём:

«Лучшие дни нашей жизни,
Свежие силы весны молодой,
Мы посвятим Иисусу,
В дар для Него дорогой».

Поём, а как до дела, до большой жертвы — нас нет.

Никто не сказал ни слова, все сидели, низко опустив головы. Старики, прощаясь с Пашей, обещали молиться за неё. Одни говорили, что Сам Бог посылает Пашу в это тяжёлое время, другие считали, что она будет в тягость заключённым, что из этого ничего не получится, её просто арестуют и она ни за что пропадёт.

Бодрая, радостная стояла Паша, окружённая молодёжью и немногими пожилыми братьями, которые пришли проводить её.

С тех пор как она решила поехать и стала собираться, тяжёлая дума ушла в

сторону. На душе было легко и радостно. Совершенно не беспокоили мысли о том как она устроится, где будет жить. Ведь Иисус с нею. Он лучше, чем кто-либо из людей поможет устроить всё. Ему ничего не трудно. Мать в слезах последний раз обнимала дочь.

— Смотри, Пашенька, береги себя.

Молодёжь не сводила глаз с Паши. Последние объятия... Последние пожелания...

— Пиши, пиши, Пашенька, — раздавались голоса. Она стояла на подножке вагона, сияющая внутренней какой-то небесной радостью.

Тихий, тёплый, летний ветерок шевелил её волнистые светлые волосы. Она вынула белый платочек и помахала им. Поезд тронулся. Молодёжь не выдержала, забыла всякий страх, и громкое пение раздалось на перроне:

— Бог с тобой, доколе свидимся,

На Христа иди взирая,

Всем любовь Его являя,

Бог с тобой, доколе свидимся.

Паша пошла в вагон и села на своё место. Она достала из сумки Библию Гоши, которую взяла с собой, открыла её и прочла: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши на землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода. Любящий душу свою, погубит её, а ненавидящий душу свою в мире сем, сохранит её в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует. И где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит того да почитит Отец Мой» Иоан. 12:24-26.

Глава 14.

«Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» Флп. 2:4.

«Наши старички что-то меня вызывают, — сказал Володя Тиме, когда тот зашёл к нему, — так что извини меня, я должен идти к ним.

— Это уж не насчёт ли нашего поведения? Но, в сущности, у нас ничего плохого и нет.

— Не знаю, не знаю, — сказал Володя и с встревоженным сердцем направился к дому пресвитера.

Брат пресвитер был дома не один: там были и приглашённые проповедники.

— Проходи, проходи, Володя, — сказал старичок, добрыми глазами смотря на него. — Мы решили с тобой побеседовать. Ведь ты тут верховодишь молодёжью.

Володя внутренне приготовился к защите.

«Ну, — думал он, — сейчас обрушатся, что не женимся, а только волнуем

девчат». Но оказалось, что речь шла о другом.

— Мы очень рады за вас, — говорил один из проповедников. — Вы организовали хороший хор. Много радости приносите нашей общине и соседним общинам, но есть недостатки.

Далее братья начали говорить Володе, что они — хористы, замкнувшись в хор, совершенно не заботятся об остальной молодёжи, не привлекают её к Господу, не расширяют свой хор за счёт новых хористов.

— Ведь многие юноши и девушки хотят петь в вашем хоре, примите их, пусть будет больше хвалы Спасителю.

Володя согласился со старичками и пообещал расширить свой хор и оказывать внимание всей молодёжи.

На следующей спевке они уже обсуждали, каких новых хористов принять в хор. Среди принятых вновь хористов была и Оля — девушка лет девятнадцати, которой внутренне давно уже симпатизировал Володя. Когда он проходил мимо их дома, и она видела его, её карие глаза нежно, ласково смотрели на него. Физически она была хорошо развита, крепка. Он слышал, что она имеет некоторое образование и читает разные книги. Единственный недостаток, который, как слышно, водился за нею, это её вспыльчивость. Никто из сестёр не дружил с нею.

На спевку Оля явилась в мужском пиджаке, подстриженная под мальчика. Все сестры носили косы, и вид её произвёл неприятное впечатление. Но Володе она понравилась. Ему казалось, что и эта причёска мальчика, и этот мужской костюм идёт ей. После спевки Володя от лица хористов поблагодарил всех вновь вступивших в хор за их рвение к служению Господу. Оля сидела среди альтов и, наклонив голову, теребила в руках носовой платок. Вот она приподняла голову и взглянула на него. По этому взгляду он определил, что между ними должна быть большая дружба.

Глава 15.

«Не ищет своего» 1 Кор. 13:5.

Наступила зима. Вечера стали длинными. Молодёжи было больше времени для общения. Один из братьев предоставил в своём доме большой зал для спевки молодёжи. И там, при освещении большой керосиновой лампы, они пели и проводили вечера взаимного общения. В эти дни приходила к ним и молодёжь, не участвующая в хоре. Счастливо и радостно проходили эти часы.

— А давайте сфотографируемся, — предложил кто-то.

Все поддержали эту мысль. На фотографии по их просьбе фотограф написал слова: «Дни наши быстрее гонца». Раздавая фотографии, Володя говорил:

«Быстрее гонца убегут эти наши счастливые дни, но память останется. Взглянем на снимок и вспомним про нашу дружбу, про то, как вёл нас Господь».

Наступили морозы. Молодёжь стала одеваться по-зимнему. На душе же каждого горел огонёк любви к Богу и друг к другу. Вечера проводили не только в пении. Появились музыкальные инструменты: гитары, мандолины, балалайки, скрипка. Появилась и игра — почта. Это каждый писал записки, кому хотел, и получал ответы, так что к концу вечера весь пол словно хлопьями снега был усеян изорванными бумажками. Однажды Володя получил записку во время такого вечера: «Володя, подойди ко мне на минутку. Оля». Он подошёл к ней. До этого он в начале вечера предложил Оле играть на гитаре и та, не переставая, играла. Теперь она показала ему свои пальцы. На них были белые пятнышки — мозоли.

— Я больше скоро не смогу играть, — сказала она, — и мне как-то не интересно забавлять других игрою.

— Вечером я провожу тебя, — шепнул он ей. Смотря на эти мозоли на пальцах, он понял, что Оля любит его, что играла это она для него.

Когда Володя провожал Олю, она делилась с ним, что ей скучно, и она хочет оставить хор. Володя успокаивал её и говорил, что он окажет ей особое внимание. С тех пор между Володей и Олей стала крепнуть дружба, он часто провожал её и делился с нею. Но не всё было радостно среди молодёжи. Люба была всё время какой-то задумчивой и, видимо, тосковала. Во время игры в почту Володя несколько раз писал ей: «Что с тобой, Люба?» Наконец, он получил ответную записку: «Дорогой, Володя, я благодарю тебя за заботу обо мне. Да, я страдаю душою давно. Я с детства люблю Тиму. Давно люблю его, как дитя, свято и безумно. Но я несчастна в этом. Вот всё, чем я страдаю. Будь другом, порви эту записку. Люба». «Как помочь Любе? — думал Володя. — Ведь Тиме она совершенно не нравится. С ним о ней даже и говорить не приходится. Как в подобных случаях должны поступать христиане?» Он искал ответа и не находил.

Глава 16.

«Время уже коротко» 1 Кор. 7:29

Наступило Рождество. В Усовку приехало несколько гостей — юных сестёр, которые пели новые гимны и встречали праздник вместе с хуторской молодёжью. Беседуя с Олей, Володя сказал ей: «Оля, как ты думаешь насчёт наших гостей? Мне кажется, они одиноки у нас. Нас, молодых людей мало и все мы заняты. Как быть? Это будет неуважением с нашей стороны, если мы не будем проводить время с ними».

— Это верно, Володя. — сказала Оля. — Хвалю тебя и охотно соглашаюсь, если ты будешь провожать не меня, а их.

По окончании собрания Володя уже не пошёл провожать Олю, а пошёл с приезжими, беседуя с сестрой Зоей.

— Как вам нравится у нас? — спрашивал он сестру Зою.

— Очень нравится, — ответила она. — Здесь у вас такие добрые гостеприимные сёстры. В общем, всё нам здесь нравится, и деревня ваша, и пение...

К ним подошёл Тима и шепнул Володе:

— Признаться, мне надоело всё время ходить с Лилей. Погуляю-ка я с приезжими.

— Это твоё дело, — сказал ему Володя.

Проведя Рождественские праздники, приехавшая молодёжь уехала, и жизнь в Усовке потекла по-прежнему. Чтобы поддержать себя и семью брата, Володя занялся валкой валенок. Они сняли помещение для мастерской и с несколькими братьями трудились над шерстью, изготавливая валенки.

И Володя, и братья были крепкие юноши. Несмотря на духоту помещения, тяжесть работы, они громко пели гимны, беседовали обо всём, смеялись. В мастерскую часто заходили сёстры. Перед Новым годом к ним забежали Люба с Шурой и шепнули на ухо Володе:

— Давайте Новый год встретим вместе, мы приготовим угощение.

— Блестящая мысль, — сказал Володя, потирая руки, — готовьте, придём.

Он передал эту мысль другим братьям и все одобрили её. В назначенное время для встречи Нового года все были в сборе. Среди комнаты, в которой они собрались, стоял большой стол, за который могла усесться вся молодёжь. Юные сестры усердно суетились, заботясь об угощениях, расставляли пищу на столе так, чтобы было красиво и вкусно. Оля командовала всеми и, не советуясь, указывала, где что поставить, кому где сесть.

— Как я рада, что мы Новый год встречаем вместе, — сказала Люба, а то я не знала, куда себя девать.

— Да, как приятно, сказал Тима, — кончать старый год вместе и начинать Новый год тоже вместе.

Все уселись за стол. Поблагодарили Господа. Часы были только у Володи. Он положил их перед собой на стол. Стрелки их могла видеть только Люба, которая сидела рядом с ним.

— Ну, как вы думаете, друзья, сколько сейчас времени? — спросил Володя.

— Наверное, уже двенадцатый? — предположила Дуся.

— Да, не меньше, — согласились все.

— Подождите немного и я вам скажу. А пока spoём. Молодёжь дружно запела.

«Как быстро дни наши текут,

Как тень они проходят...»

Володя посмотрел на часы. Было без четверти двенадцать.

— Кто хочет выпить последний стакан чаю в этом году, — сказал Володя. —

Пейте скорее, а то не успеете.

И он подал стакан Оле, которая разливала чай. Оля подала ему стакан и сказала:

— А себе я налью только полстакана, а то, вероятно, не успею выпить.

— Полстакана напоминает о несовершенстве, — сказал Володя.

— Мне налейте полный стакан, — сказал Федя, — Я полстакана выпью в этом году, а полстакана в новом.

— Слушайте, где гитара? — сказала Оля оглядываясь. — Я хочу, чтобы все последний стакан выпили под музыку. Она взяла гитару и начала проигрывать пропетый гимн. Все, улыбаясь, торопливо пили чай.

— Сколько времени? — спросила Шура, глядя на Володю.

— Это тайна, — ответил он. Стрелка приближалась к последней минуте. Было тихо.

— Прощайтесь со старым годом, — сказал Володя, — Секундная стрелка вступила в последнюю минуту. Вот и Новый год! Разрешите поздравить вас, дорогие друзья, С НОВЫМ ГОДОМ!!! Все пожимали друг другу руки и желали лучшего, нового счастья. Далеко за полночь разошлись по домам.

Глава 17.

«Юность — суета» Еккл. 11:10

Через несколько недель после Нового года Володя, идя вместе с Олей, спросил её:

— Ты скучаешь о чём-нибудь?

— Нет, не скучаю, — ответила она, — если бы любила кого, то скучала бы. Не люблю и не скучаю.

— И меня не любишь? — спросил Володя.

— Нет, ты мне нисколько не нравишься.

До этого Володя шёл с ней под руку, но при таких словах он освободил свою руку из её руки и начал рассказывать ей, как он увлёкся ею, как дорожил её ласками, а теперь разочаровался во всём. Он поблагодарил её за искренность, пожал ей руку и пошёл домой. Он шёл, и ему не верилось, что она сказала эти слова. Ему казалось, что дни счастья и любви, которые были так близки, опять уходят в неизвестную даль.

— Но почему же Оля так непритворно ласкала меня? — думал он.

На воскресном утреннем собрании всё было радостно, только один Володя был как-то хмур и избегал встречи глазами с Олей. На спевке тоже всё было как обычно.

— Володя, мне нужно отдать Вам Вашу книжечку, — услышал он голос Оли.

Оля подала ему альбом в красной обложке «Память курсов Москвы».

Володе было неприятно, что этот альбом, который он давал Тиме, попал к Оле.

— Володя, — сказала Оля, — я болею душой за свои слова. Прости меня! Будем опять друзьями!

— Я не обижаюсь на тебя. Ты мне сказала правду.

— Нет, Володя, я думала одно, а говорила другое, сама не знаю, почему.

— Но скажи, Оля, почему ты так поступила со мной?

В это время к ним подошли друзья, и разговор прекратился. Вскоре они опять встретились, и с ещё большим чувством привязались друг ко другу. Володе казалось, что она во всём покоряется ему как дитя. И его судьба навеки будет связана с ней.

Глава 18.

«Мир проходит, и похоть его» 1 Иоан. 2:17.

По сложившимся обстоятельствам Володе на время пришлось поехать в Москву. Попрощавшись со всеми друзьями, он зашел к Оле.

— Оля, я уезжаю, — сказал он.

— Я знаю, — грустно ответила она.

— Оля, я так неожиданно и так скоро полюбил тебя всей душой, и мне кажется, больше за детскую покорность моей любви. И теперь ты вся хороша, красива и нежна в моих глазах, каждая минута общения и ласки с тобой приносит мне море счастья и красоты.

Оля сидела, не поднимая глаз, и глубоко неровно дышала. Она взглянула на него, улыбнулась и припала головой к его рукам.

— Володя, я провожу тебя на станцию.

Они оделись и вышли. Волосы её были растрёпанные.

— У тебя есть гребёнка? — спросил Володя.

— Да, — сказала она.

— А где она?

— Не знаю, — ответила Оля. Ей было не до гребёнки. Из глаз её катились обильные слёзы.

— Володя, как тяжело это расставание! Лучше бы я не знала тебя. Так болит моё сердце.

В последнюю минуту расставания, она шептала ему:

— Володя, милый... До свиданья! Спешి скорей вернуться назад ко мне, мне будут тяжки эти дни. — Она прижалась к его груди. Он крепко обнял её...

Всю дорогу до Москвы сердце Володи ликовало. Он любил и был любим! В Москве Володя побывал на собрании, увидел много видных братьев. Среди них он увидел и поэта Б., который в своё время был в их местах. С ним он поделился, что серьёзно дружит с Олей. Поэт похвалил его дружбу и одобрил выбор.

— Я приготовлю тебе подарок и ты пошли ей.
На следующий день он передал Володе стихотворение:
«Твои глаза в дороге дальней
Над бездной пошлости людской,
Невыразимо и печально
Глядят с глубокою тоской.
И я хочу все неба ласки
Скорей, скорей к тебе призвать,
Чтоб изгрустившиеся глазки
Могли смеяться и сиять...»

Глава 19.

«Испытай меня, Боже » Пс. 138:23.

Бежали месяцы за месяцами. Буря, непогода встретили и Володю. И события сменялись быстрее, нежели летели дни. Все надежды на личное счастье полетели под откос, как летят, трещат, ломаются терпящие крушение вагоны поезда. Много пришлось пережить, передумать в эти дни Володе. Он похудел, возмужал, мелкие морщинки показались на лбу. Он не потерял веру, не отрёкся от Христа и теперь находился в узах. Многие друзья вначале писали, а теперь только самые близкие иногда напоминали о себе.

— Оля, эта хорошая Оля, которая, казалось, так любит его, которую одобрял и поэт Б., молчала. Да, на что я ей нужен, узник? — думал Володя. — Вся эта любовь женская — ложь.

Однажды он получил письмо, что Оля духовно ослабла, ушла в мир и известна там, как хорошая плясунья и гитаристка. Нехорошо, мутно было на душе Володи.

В один из выходных дней он взял Библию и ушёл в строящееся здание, где никого не было по причине дня отдыха. Он вошёл в одну из недоделанных комнат и сел на чурбак. Какая-то тоска давила его. Нахлынули воспоминания... Он вспомнил своё покаяние, те радостные дни первой любви, служения Господу, это была весна жизни. День крещения — какое торжество! Он, кажется, не ходил по земле, а летал. А потом — день полной отдачи на служение Господу. Библейские курсы в Москве, знакомство с сильными братьями, столпами дела Божия в России. Сколько было мечтаний... Сколько было надежд, казалось, великие перспективы были перед ним. Потом жизнь в деревне... Всё как-то потускнело, День за днём пробегало перед Володей минувшее. И чувство горького раскаяния терзало душу. Он как бы осознавал теперь свои ошибки.

«Ведь не так надо было вести себя. Ведь не так надо было воспитывать

молодёжь. Почему ушла Оля? Почему ушли некоторые другие? Не было глубокой духовной жизни. Не было молитвенной жизни среди молодёжи. А как мало времени уделялось тому, чтобы вникать в себя и в учение, чтобы изучать Слово Божие? Ведь можно же было прожить эти годы юности ярче, лучше!» Он опустил на колени. Из глаз его капали слёзы...

— Господи, прости меня за всё! Благодарю тебя за эти испытания! Ты переплавляешь меня в этом горниле... После молитвы тяжесть, тоска ушли. Володя ободрился, стал каждую свободную минуту проводить над Словом Божиим. Его бодрые содержательные письма радовали его друзей. Володя знал, что Господь многомилостив. Он верил, что жизнь его впереди, впереди и его счастье. Он жаждал дней серьёзного глубокого труда на Нивах Господних. Испытание, неволя стали менее тяготить его. Он понимал, что человек рождается на страдание, чтобы как искры устремляться вверх. Все окружающие товарищи по неволе замечали, что Володя ожил, его больше полюбили, с ним советовались. Душа его горела яркой звездой во мраке окружающих скорбей, излучая свет любви и сострадания для окружающих. На сердце его была тихая радость. Он часто читал и вдумывался в Слова: «О сём радуйтесь, поскорбев теперь немного если нужно от различных искушений, Дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнём испытываемого золота, к похвале, и чести, и славе, в явление Иисуса Христа» (Петра 1:6-7).

Глава 20.

«Полагать души свои» 1 Иоан. 3:16.

По обыкновению она проснулась рано-рано, когда ещё спали не только люди, но и птицы и заря чуть-чуть занималась, разгоняя мрак ночи. Она не ворочалась на своей жёсткой постели, проснувшись, но тут же вскочила, умылась холодной водой и, открыв окно, опустилась на колени. С горячей мольбой она обратилась к Богу, Который помог ей распротиться со своей матерью, любимой семьёй и приехать одной в эту далёкую таёжную деревушку. В открытое окно ворвался свежий утренний ветерок, и, наполняя комнату ароматами осени, тихо, точно лаская, зашевелил вьющиеся светлые волосы на голове её. Встав с колен, она подошла к столу, на котором лежала старая поношенная Книга — Библия, и открыла Её. Паша никогда не начинала день без молитвы и чтения Слова Божия. Это давало ей силы здесь, живя без собрания, без общения с молодёжью, не только не скучать, но иметь самое бодрое светлое настроение. Её всегда удивляло, почему некоторые братья и сестры, которые уезжали от общины, возвращаясь потом, говорили, что они ослабли духовно. Ведь теперь она уже давно не слышит хора, не бывает в тех чудных общениях, которые так

взгревают дух, и всё же она растёт, сердце её всё больше переполняется любовью к Богу и к ближним. Она достала муки и стала месить тесто, готовя лепёшки. Она встала пораньше, чтоб эти сделанные лепёшки отнести туда, к ним, к тем воротам, из которых их выводят на работу. Она передаст это им, и они смогут хорошо покушать в обед. А вечером те люди, что день и ночь стерегут их, были так уже расположены к Паше и её друзьям, что отпускали их к ней покушать. Уже было совсем светло, когда Паша с узелком вышла со двора и направилась туда, где виднелись бараки, огороженные проволокой. Развод уже начинался, и первые колонны людей, одетых в чёрное, окружённые штыками, медленно двигались в тайгу.

— Товарищ начальник, разрешите братьям передать лепёшки?

Услышав нежный звонкий голос девушки, суровый высокий начальник оглянулся. На его мрачном лице появилась улыбка.

— Ты опять, Паша, так рано к своим братьям? Ну и любовь у тебя к ним! Жила бы, гуляла, а то вот скучаешь всё в захолустье.

— Что вы, товарищ начальник! Я совсем не скучаю. На долю мою выпало самое большое счастье — оказывать любовь несчастным.

Начальник ничего не сказал, кивнув головой одному из стоявших рядом, и тот, взяв узелок у Паши, передал его одному из её братьев. Их было трое. Они стояли рядом среди других, одетых в чёрное. Лица их сияли приветливыми улыбками. Они совсем не были похожи на тех мрачных, злобных товарищей, которые окружали их. Они тоже начинали там день с молитвы, и укреплённые силой Всевышнего, бодро шли на тяжкий дневной труд. А утренняя встреча с Пашей, хотя они и не могли разговаривать с ней, а только видели её, была для них величайшим счастьем. Видеть сестру, которая ради имени Иисуса, любви к ним, оставила всё и разделяет с ними их скорбь — это значило для них видеть любящую руку Иисуса, заботящуюся о них. Они знали, что многие, подобные им братья, в течение многих лет не имеют этого счастья, и ценили это.

Вернувшись домой в избу, где Паша стояла на квартире, она не легла отдыхать. Паша не нежила свою плоть и не давала отдыха рукам своим. Желая помочь не на словах, а на деле несчастным, она не ждала помощи от людей, а трудилась своими руками, всё шила и шила...

Вот и теперь, расчесав свои светлые чудесные волосы перед маленьким зеркалом и подкрепившись несколькими оставшимися лепёшками и молоком, она села за швейную машинку. Она шила, а вереницы мыслей одна за другой проходили в её сознании. То она вспоминала свою маму, которая так нежно прощалась с ней и не хотела отпускать её от себя, то других юных братьев и сестёр, которые так сердечно провожали её, то вспоминались дни полной отдачи Иисусу и жажда получить дело для служения ближним. Дверь отворилась и вошла хозяйка дома.

— Паша, к Вам из соседней деревни приехали двое, тоже хотят сшить платья. Услыхали, что Вы — хорошая портниха.

— Ну что ж, — сказала Паша, — пусть заходят. Хотя у меня заказов много, но и работать-то мне нужно много.

Вошли две крестьянки — молодая и старая. Разложив материал, стали советоваться какого фасона платья заказать.

— Вы нам только по совести, по Божьи, а то ведь все портнихи, особенно из города, обманывают.

— «Не беспокойтесь, — сказала Паша, — я боюсь Бога и делаю всё на совесть.

— А дорого не возьмёте? — спросила молодая.

— Нет, — ответила Паша, — тоже по совести. Ведь это я не для себя тружусь.

— А для кого же? — поинтересовалась пожилая.

— А вот для заключённых, — тихо сказала Паша.

— Так вы кто же такая будете?

— Я верующая, — пояснила Паша.

— Так, видно, из монастыря монашка, — сказала молодая крестьянка, — теперь же монастыри-то закрывают.

— Нет, — сказала Паша, — я обычная девушка, христианка из веры Евангельских христиан баптистов.

— А-а-а, баптистов, — улыбнулась пожилая, — знаю, знаю. Это очень хорошие люди, честные. Самые хорошие люди.

Когда они ушли от Паши, пожилая говорила молодой:

— Заказ она сделает по совести. Я знаю этих баптистов. По Божьи живут.

Глава 21.

«Верю» Евр. 11:33.

Из Иркутска по направлению к Байкалу шел поезд. Огни его прорезывали тьму ночи и гудки нарушали покой спящей тайги. Поезд остановился у маленького разъезда, вздрогнул и опять понёсся вдаль. На маленьком перроне, слабо освещённом коптящейся керосиновой лампой, был одинокий пассажир, сошедший с поезда. Он огляделся кругом, подошёл к концу перрона, постоял, и, обогнув станцию, стал спускаться по откосу в неизвестный таинственный мрак ночи. На фоне ночного неба рисовалась зубчатая тайга. Там, ниже, вправо, белелась какая-то полоса.

— Должно быть, Ангара, — соображал юноша, и осторожно ступая по мелким камням, стал приближаться к воде.

Да! Это была река. Великая Сибирская река — Ангара. Стоя на берегу, он внимательно всматривался в тёмный силуэт ближайших выступов берега, пока его глаза не уловили очертания, похожие на избушку. Он направился туда и вскоре стоял перед небольшим деревянным домиком рыбака. Постучал в дверь. Ответа не было. Постучал ещё. Кто-то закашлял, послышалось скрипение

внутренней двери и старческий голос:

— Кто это?

— Брат ваш, странник и пришелец.

— Эй, старуха, вставай скорей. Брат пришёл, брат! — Старик открыл дверь и, всматриваясь в стоявшего юношу, спросил, — Да вы откедова? — видимо вид юноши несколько изменил отношение старика и его приветливость.

Действительно, висевшая сбоку полевая сумка, с другого — фляжка, за спиной — вещевой мешок, и через плечо — складка как шинель-пальто, производили впечатление военного.

— Привет вам из Иркутска от братьев Петрова, Попова, — сказал юноша.

Старик разгладил свою большую седую бороду и обнял молодого человека.

Целуя, он говорил:

— А я уж подумал по твоему виду, не души ль ты моей ищешь?

Старушка приветливо усаживала гостя и хлопотала у печки.

— Вот у нас тут немножко картошки осталось. Угощаем картошкой. А уху уж завтра утром сварим, — говорил рыбак.

С аппетитом кушая варёный картофель, Лев рассказывал о своём желании переплыть Ангару и потом берегом добраться до стеклянного завода, а далее по деревушкам до того места, где находились узники.

— Рад я за тебя, брат, рад, — тебя Бог без милости не оставит за такое доброе дело. Да вот только смотрю я на тебя — трудно тебе одному. Ведь Христос всех учеников по два посылал, вдвоём-то легче.

— Да, полегче, — вздохнул юноша, но не нашёл я тех людей, которые б пожертвовали собой ради этого.

— Да, — сказал брат-рыбак, — не слышал я тоже. Да и Павел имел в своё время своего верного Тимофея, а об остальных он писал: «Все ищут своего, а не того, что угодно Господу Христу».

Помолившись, крепко уснули. Наутро, чуть возшло солнце, Лев стал уговаривать старика-рыбака переправить его на ту сторону реки, не дожидаясь, когда будет готова уха. Брат-старик был вынужден уступить уговорам юноши и перевёз его на плоскодонке на противоположный берег реки Ангары. Прощаясь с ним, он говорил:

— А как твои ноги? Выдержат ли? Идти-то далеко. Выдержишь ли?

— Выдержу, Бог даст, — ответил юноша, — молитесь обо мне. И он бодро зашагал вверх по берегу реки Ангары.

Это было чудное осеннее утро. Воздух был свеж, наступали первые осенние заморозки. Тайга, убранная в разноцветную одежду отмирающей листвы, была прекрасна. Он шёл километр за километром, не встречая человека. Кругом была девственная, дикая нетронутая природа. По временам поднимались стаи уток и гусей и летели по направлению к Югу. Вся душа, и тело, и дух юноши горели стремлением вперёд. Он, рано отдавшись Иисусу, не был покалечен пороком, и сейчас все его интересы, стремления и мысли были направлены, чтобы

исполнять волю Пославшего его. До стеклянного завода он дошёл, нисколько не устав. Не делая передышки, расспросив пути до таёжной деревушки, он направился туда. Несколько утомлённым, он подошёл к краю небольшой деревни, расположенной в глухой тайге.

— Слушай, парнишка, — обратился он к парню, ведущему лошадь, — не знаешь, тут у вас должна быть портниха, звать Паша, из города, работает тут. — Есть, есть! — сказал тот, указывая кнутом на старую потемневшую избу, — там она.

С сильно бьющимся сердцем направился он к избе. Сейчас он увидит Пашу, ту, о которой он столько слышал! Он так хотел увидеть людей, жертвенно отдавшихся Иисусу, добровольно идущих на лишения ради ближних и ещё не встречал их. А они были, как бывают звёзды на тёмном небе во время глухой ночи. И одной из этих чудесных звёзд, как слышно, была Паша. Он приоткрыл дверь.

— Можно войти?

— Войдите, — раздался приветливый звонкий голос девушки.

— Мир вам, — сказал он, входя и останавливаясь посреди комнаты.

— С миром принимаем, — сказала Паша, вставая от швейной машины и с недоумением смотря на незнакомца. Его обмундирование всегда вызывало у всех верующих недоумение.

— Кто вы? — спросила она. Он не ответил, а только сказал:

— Давайте помолимся.

Они опустились на колени. Он не мог молиться, он плакал... Молилась Паша. Потом молился он, благодаря Бога, что Он помог ему добраться до того места, где есть узники, а также увидеть ту настоящую христианку, которая служит им и заботится о них. Когда они встали с колен и начали беседовать, они говорили друг с другом, как будто были старые друзья, близкие. Кровь Иисуса, близость к нему, сразу сделала их близкими, понятными друг другу. Лев рассказывал о том, как он оставил родных ради истины, как просил он Отца Небесного, чтобы Он указал, что ему делать, и, как получив от Него благословенье, он пошёл в тяжёлый далёкий путь посещения узников. Паша слушала, и лицо её выражало большую радость. Она радовалась тому, что видела, что есть такие же люди, как она, которые посвящают свою жизнь, юность для служения ближнему. О себе она рассказывала ему мало. Как ни старался Лев подробнее расспросить Пашу о том, как достигла она такого высокого духовного уровня, она скромно отмалчивалась. Она старалась говорить не о себе, а о других. Каждое её слово, каждое движение было воплощением величайшей кротости и смирения.

— Ведь я не могла не приехать сюда, — говорила она, — Господь побудил моё сердце. Это Он, а я — ничто.

— Да, — соглашался Лев, — всё доброе, хорошее, что проявляется в нас, это не наше, это Его. Наше — это только грехи. И верно, Паша, — нам нечем хвалиться. Только Христом, Христом Одним!

— Дорогой брат, я угощу вас сейчас чаем. Извините меня, что я сразу не догадалась, так увлекли вы меня своим рассказом. А потом придут узники, ужин уже готов, стоит в печи, и мы будем ужинать с ними.

Она поставила горячий чай, молоко, хлеб. И Лев, с аппетитом кушая, говорил о том, что как дорога для христианина простая пища — хлеб насущный.

— Я вот в своих путешествиях больше питаюсь сейчас хлебом и огурцами и чувствую себя сытым и спокойным.

Паша поделилась о своём желании посвятить себя всецело только Господу.

— Да благословит вас Господь, — сказал Лев, — лучшего нам и мечтать не нужно. А я вам скажу откровенно, — продолжал он, — думаю и никогда не жениться, всё отдать Иисусу. Обет я, конечно, не давал, но стремлюсь.

— Много, много силы для этого нужно, — сказала Паша, серьёзно смотря на юношу.

Эти слова врезались ему в душу и прошло много лет, но он их помнил, и, пройдя опыт жизни, большой жизни, убедился, что для большой жертвы нужна и большая сила. Чем больше присматривался Лев к Паше, тем более внутренне восхищался ею. Он как бы не видел её внешнего облика, он не замечал даже какого цвета её глаза, вьются или гладкие её волосы, полная или худая она внешне, он только видел и ощущал перед собой чудную душу живой христианки, живущее любовью к Богу и к ближним. Он узнал, что Паша не только трудится тем, что посещает тут узников, питает их, много шьёт, работает, чтобы поддержать материально их, он узнал, что она каждую свободную минуту работает над Словом Божиим и имеет большую переписку с различными страдающими, неся им утешение, со многими друзьями из молодёжи и проповедниками.

Послышались тяжёлые шаги, дверь отворилась, и в комнату вошёл огромный белый старик в лаптях. За ним шёл высокого роста, статный бледнолицый молодой человек, тоже в промокших лаптях. Это был родной брат Паши — Гоша. Вошёл третий — средних лет приземистый мужчина в крепких больших сапогах. Несмотря на то, что вид их говорил, что они очень устали, лица их улыбались. Лев сразу догадался, что это братья.

— Это брат приехал посетить нас, — сказала Паша. Они обнялись, поцеловались как самые близкие друзья.

— Редко, редко к нам гости попадают, — сказал старик, разувая лапти, — вот Бог прислал... Вы от какой общины?

— Я не от общины, — сказал Лев улыбаясь.

— Так, значит из Москвы, от Союза прислан посетить?

— Нет, не от Союза.

— Так от кого же?

— От Самого Господа, который любит вас больше, чем Союз.

— Ну, беседу после, после, — сказала Паша, — она поставила на стол дымящиеся щи, а Лев помогал братьям умываться. Поблагодарив Бога за приезд

брата, сели за стол и поблагодарили Его ещё за пищу.

— А скажи, брат, — сказал высокий юноша, — ты много посетил заключённых, ссыльных, видал, как они питаются, а были ли такие вкусные щи, как здесь вот мы узники кушаем?

— Нет, ничего подобного я не видел. Больше слёзы, лишения, — сказал Лев. Старик положил ложку, которой хлебал щи и, кивнув головой на Пашу, сказал: «С ранней юности она была радостью в общине и теперь нас всё утешает, кормит».

— Вы неверно говорите, брат, — сказала Паша, ставя ещё тарелку с хлебом, — Это не я — это ведь Господь.

— Это верно, верно, — подтвердили все.

Паша убрала со стола, и Лев со слезами на глазах, начал рассказывать неизвестным узникам события последних дней. Закрывались общины, отбирались молитвенные дома, многие пресвитера, союзные благовестники оказывались наемниками, бросали стада — верующих, и бежали, оставив дело Божие, чтобы спасти благополучие своих тел. Некоторые писали в газетах, что они отказываются от веры, вновь насмехались и позорили Распятого. «Выход один, — говорил Лев, — это как в книге Есфирь: поднять вопль к Богу. Только Он Один может спасти народ Божий от уничтожения».

Преклонив колени, они ещё и ещё вопияли к Богу, моля о разрушенных, покинутых общинах, моля о рассеянных, обездоленных верующих, чтоб не оскудела вера ни в ком. Когда поднялись с колен и вытерли глаза свои, то брат старец бодро сказал:

— А мы вас, брат, порадует. Ну-ка, Паша, давай...

Из соседней комнаты Паша вынесла скрипку, гитару, мандолину. Паша взяла гитару, а юноша, улыбаясь, радостно, как-будто он был самый счастливый человек в мире — скрипку. Под звуки струн сильные голоса запели сильную песнь христиан: «Радость, радость непрестанно, Будем радостны всегда, Луч отрады Богом данный, Не погаснет никогда».

— Да! Действительно, — думал Лев, смотря на них, — ни тюрьма, ни разлука с ближними, ни тяжёлая работа, не гасит радости. Кто они? НЕПОБЕДИМЫЕ!!! Люди с чистой душой и совестью, люди, несущие всем мир и любовь! А они всё пели: «По следам пойдём Христовым, Будем льнуть к рукам Его, Чтоб под бременем суровым Не пропасть нам без Него!»

Среди мужских голосов ясно выделялся чудный дискант Паши. Гармония звуков песни наполняла комнату и, казалось, поднималась к самым небесам. Наклонив голову, Лев слушал и думал о Паше:

«Что за чудная христианка! Она умеет не только шить, не только писать письма, готовить и стряпать, она замечательно поёт, играет. Всё лучшее в человеке: любовь и искусство — соединилось в этой душе».

— А ты что, брат, на мои сапоги-то смотришь? — сказал низкий приземистый человек, — думаешь мои? А братья в лаптях? Это нам одни на троих дают. Это

мы по очереди носим.

— Однако, — сказал старичок, беря рукавицы, — как ни добро начальство наше, а нужно быть аккуратными. Скоро и поверка. А ты, брат, — обратился он ко Льву, — если хочешь посмотреть, как мы живём, идём с нами.

— С удовольствием, — воскликнул тот.

Поговорив с охраной и сказав, что приехал брат, они получили разрешение провести Льва к ним в барак. Длинное большое помещение, нары, кучки людей, то играющих в карты, то непрерывно извергающих мат, ссорящихся между собой.

— Тяжело нам среди них, — сказал брат в сапогах, — но они нас не трогают.

— Нас все уважают, — заметил высокий юноша. — А вы, брат, приходите к нам завтра на работу, посмотрите, как мы работаем. Паша знает дорогу.

— Непременно, непременно приду, — сказал Лев, прощаясь с братьями.

Вечерело... Тайгу окутывал таинственный сумрак. Слышался временами крик: «Кто идёт?» И опять всё тихо. Лев мечтал провести вечер в беседе с Пашей. Но она категорически заявила, что он с дороги имеет очень утомлённый вид, и она укладывает его спать. Как ни возражал он, ничего не помогло.

— Я ложусь на полу, — заявил решительно он.

— Нет. Я здесь хозяйка, не возражайте. И я старше вас.

Не с сестринской, а с материнской заботой она приготовила ему постель, и ещё раз поблагодарив Бога, они легли спать. Лев тут же уснул после большого пути, а Паша, засветив маленькую керосиновую лампу, долго писала письма. А потом, постелив старенькое пальто, она легла на полу. Всё мягкое из постели она отдала брату и тихо, безмятежно уснула детским спокойным сном. Спала тайга, была тёмная ночь. А на небе ярко горели и не сгорали чудные сибирские звёзды. Своими лучами они готовы были указать каждому идущему путь, верное направление. Они светят и теперь.

Наутро, шагая по бездорожью, они с Пашей пришли на место работы. В глухой тайге срубались деревья, выкорчёвывались пни, готовилась дорога ледяная, чтобы по ней свозить зимою древесину. Сырая земля, камни, крепкие ветвистые корнями пни...

— Вот тут-то мы и работаем, — сказал весело старичок, приветствуя Льва.

— А ну-ка, дайте, я с вами поработаю, — сказал Лев и взял кирку. Он стал долбить грунт и отбрасывать лопатой, но скоро запыхался и вспотел. — Ого, работёнка, — сказал он, вытирая пот со лба.

— Втянуться надо, — заметил высокий юноша, — вот так. — Он взял совковую лопату и богатырскими движениями стал выкидывать землю. — Норму перевыполняем. Начальство довольное. Премирует.

Вечером они прощались. Каждый говорил пожелание. Среди всех этих пожеланий на всю жизнь врезалось в сердце пожелание Паши, которое она прочла из своей Библии: «Очи Господа обозревают всю землю, чтобы поддерживать тех, чьё сердце вполне предано Ему» Пар. 16:9.

Двадцать семь лет прошло с тех пор, как было дано это пожелание, много воды утекло, многое изменилось в жизни людей, а этот чудный текст всё также сияет для Льва и для всех тех, которые любят Господа.

И вот теперь, когда пишутся эти строки, на столе лежит старая Библия. Это та самая Библия, из которой Паша прочла этот дивный текст. Сверху на коричневом переплёте, который от времени стал чёрным, оттеснены слова: «БИБЛИЯ» и фамилия : «Огородников Г.С.» Эта книга имеет свою историю. Она принадлежала брату Паши — Гоше, который пошёл на страдания ради Господа и подарил её своей сестре Паше. Открываю книгу, надпись: «Дорогой сестрёнке Паше. В память пребывания с заключёнными» Тальцы.

Пусть это Слово Бога
Будет Светочем твоим,
Счастливый путь тебе — дорога,
Сострадальцем будь всегда моим.
Твой меньший братишка Гоша.

Тальцы 20.10.30. И чуть ниже детской рукой написано: «Дорогой дочурке Линочке от мамы.»

Долгие годы, жертвенные годы любви, эта Книга сопровождала Пашу. И теперь не только Книга, которою жила Паша, но живое воплощение любви и лучшего находится здесь и радуется многих.

Прощаясь с Пашей, Лев подарил ей на память почтовую открыточку, на которой он нарисовал терновый венец, центр которого занимал крест, стоящий на холме. На кресте была распята буква «Я». На полях по бокам возле креста было написано с левой стороны: «Ради Христа и Евангелия». Справа: «Кто Мне служит, Мне да последует».

Высокий юноша пользовался таким доверием начальства, что ему разрешили проводить приехавшего брата. Он взял лодку и перевёз его на другую сторону Ангары. Прощаясь, они обнялись.

— До свидания, брат! — сказал Лев. — Далёк твой путь, далёк и мой. Встреча, видимо, будет у Господа! Раньше едва ли встретимся.

— На всё воля Его, — ответил прощаясь, узник и поплыл туда, где ждут его дни разлук и терпения.

Глава 22.

«Терпение нужно» Евр. 10:36.

Лев стал совершенно разбитым, утомлённым физически. Эту ночь он почти не спал и добравшись до дома брата в Мариинске, он жаждал только одного: поскорее посетить всех ссыльных и заключённых здесь, и двигаться дальше. Ведь он мечтал добраться до Соловков, а дни летят, и приближалась зима —

наиболее трудная пора для путешествий. Ссылных в Мариинске он быстро увидел. Они пришли к брату, вместе помолились, побеседовали.

Труднее было с Мариинским Распредом, где находился в заключении один юноша — курсант Московских Библейских курсов — Володя. Стоя около огромной каменной стены Распреда, Лев просил Отца, чтобы Он устроил ему свидание. Вначале ему в свидании отказывали, мотивируя тем, что сейчас нет свиданий, но Лев упрямился, говоря, что он очень соскучился по родному брату, и что находится здесь проездом. Свидание дали. Крепкий статный юноша в сером бушлате и кожаной фуражке, румяный, со сверкающими глазами, обнял его.

— Очень рад, очень рад! — говорил Володя. Они сели на скамеечку и тихо разговаривали. Лев рассказывал, передавал приветы от близких Володе братьев, о положении дела Божьего в стране.

— А ты не унываешь, брат? — спросил Лев, заканчивая рассказ.

— Ну что ты, брат! Разве можно унывать нам? Написано: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах».

— А я не удостоился такой чести, — сказал Лев.

— Твой труд, дорогой брат, очень нужен, — сказал Володя. — Но вот я удивляюсь, на какие средства ты едешь?

— Стараюсь подражать Апостолу Павлу, работал и садовником, и дровосеком и последнее время техником практикантом по садоводству. Поработаю и опять в путь... Для себя я ничего не ищю.

Володя взглянул на заплатаемые штаны брата и понял, что он ничего не ищет для себя.

— Вот болею душой, — сказал Лев, — что многие не хотят оказывать любовь, помощь узникам, и говорят, что они так поступают, чтобы сохранить дело Божие. Ну Господь судья всему.

Свидание их было небольшое. Всего около часа, но этого было достаточно, чтобы они полюбили друг друга и поняли, что путь у них один, путь полной отдачи Господу, желание одно — прославить имя Его. Лев уехал дальше, а Володя опять вернулся за каменные стены, бодрый и радостный. Сверля металлическую деталь, он весело напевал:

«В Тебе забыты козни тьмы,
Печаль в земной борьбе,
Когда настанет час и мы
Поселимся в тебе?
Мы терпеливо крест несём,
Так велено Творцом.
Пока Спаситель у ворот
Спасённых соберёт».

— Ты что весёлый? Жирную передачу получил? — спросил его товарищ-слесарь.

— Нет, не то, — ответил Володя улыбаясь. И продолжал работать. На душе его было особенно бодро и радостно после этого свидания. Он не одинок. Многие и многие идут этим путём. — Нужно только одно, — думал он, — вера, надежда и любовь до конца.

Глава 23.

«Привёл её к человеку» Быт. 2:22

Дни и недели бежали... А до конца срока были долгие годы. Всё хорошо, но плохо только то, что сестра до сих пор не сообщает мне своего адреса. У Володи была любимая сестра Маруся. Самые нежные чувства он питал к ней. В часы воспоминаний, когда другие заключённые играли в шахматы, шашки или рассказывали грязные анекдоты, перед ним ярко всплывали дни детства, он брал листок бумаги и писал своей сестре:

Ты помнишь, моя милая,
Тот вечерний час,
С лучами как вечерними
Наш лучший луч погас.
Ты помнишь, моя милая,
Когда ещё с тобой,
Нас грели ласки матери
Счастливою судьбой.
Но вот настал тяжёлый день,
Темнее тьмы густой
И в нашем доме низеньком
Стояли мы гурьбой.
Я был у ног у матери,
Ты — у её груди,
А все у нас, кто больше был,
Стояли позади.
Я помню угасающий
Её усталый взор,
Её слова заветные
Я помню до сих пор.
«Мой меньший сын,
Как видишь я
Пред вами умираю,
И дочь мою — ещё дитя —
Тебе лишь оставляю».
Я помню, милая сестра,

Тебя и всё, поверь,
Но вот последний мамы взор —
Он нужен ли теперь?
Когда он писал, он забывал, где он находится, до него словно не доходили слова окружающих, на глазах у него навёртывались слёзы, он жил воспоминаниями. Всю свою юность он как мог помогал своей любимой сестрёнке, но теперь она вышла замуж и не пишет ему. Может быть, я не нужен стал ей? Горькие сомнения лезли в душу... Ведь я отверженный узник, заключённый. Приятно ли переписываться со мной? Вот только бы достать её адрес! Я уж ей напишу! Он поделился своим горем о сестре с одним из братьев. Тот посоветовал ему:
— А ты напиши-ка, Володя, Паше письмо, да запроси адрес сестрицы.
— Это какой Паше? Что это справочное бюро какое?
— Да ты не знаешь, какой Паше? Это сестра из Боготола, которая многим узникам пишет. Я слышал, она, кажется, с твоей сестрой дружила.
— А, это ты про Боготольскую Пашу говоришь! Я много слышал о ней доброго, но видеть не приходилось. Давай адрес, напишу.
На другой день Володя написал краткое письмо Паше. «Дорогая сестра Паша. Хотя я Вас не знаю, извините, но вынужден написать Вам, потому что не имею адреса моей родной сестры Маруси. Очень прошу Вас, если Вы знаете, напишите. Буду очень благодарен. С приветом, брат Володя».
Вскоре пришёл ответ: «Дорогой брат Володя! Мир Вам! «Утешайтесь надеждою, в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны», — читал он небольшое, но какое-то особенное письмо. Он привык получать письма от девушек. Бывало там в деревне, когда они играли в почту, он получал массу записок. Да и сюда в узы иногда некоторые писали, но это письмо было какое-то необыкновенное. С каждой строчки его веяло миром и любовью. Но не любовью плотскою, а настоящей Христовой. Паша утешала, ободряла его, сообщала адрес сестры, всячески хвалила её и говорила, что причина, что она не пишет, - в потере его адреса. Володя долго не мог уснуть. Он вновь и вновь перечитывал письмо.
Получив от Паши адрес сестры, Володя написал ей, укоряя, что она молчит. Маруся вскоре прислала ему письмо и посылку, где всячески ободряла его и просила прощения, что, потеряв адрес, не смогла писать ему. Раньше, когда брат, давший адрес Паши, рассказывал о ней, он не обращал на это внимания. Но теперь он так хотел бы подробно узнать — кто эта Паша? На другой же день он, иногда откладывая ответы на письма, тут же ответил большим письмом Паше, благодаря за присланный адрес и, прося писать ему письма утешения. Паша не осталась в долгу и прислала сердечное, полное слов ободрения из Евангелия письмо. Он показывал его всем, находившимся там братьям. И, сияя глазами, говорил: «Какие сестры есть!»
Да! Письма Паши утирали слёзы многим, вселяя надежду в усталую грудь, изнурённую тяжёлым трудом, ободряли усталых путников.

Однажды они, собравшись, послали ей коллективное письмо.

«Дорогой сестре, преданной своему Господу и верной до конца — Паше. «Ибо Сын Человеческий пришёл взыскать и спасти погибшее» Луки 19:10. «Ибо так говорит Господь Бог: Вот, Я Сам отыщу овец Моих и осмотрю их. Как пастух поверяет стадо свое в тот день, когда находится среди стада своего рассеянного, так Я пересмотрю овец Моих и высвобожу их из всех мест, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный. Потерявшуюся отыщу и угнанную возвращу, и пораненую перевяжу, и больную укреплю, а разжиревшую и буйную истреблю; буду пасти их по правде» Иез.34:11-12-16. В благодарность за усердную переписку с несчастными и вообще с детьми Божьими от тех, кого достигали твои письма. Будь ко всякому доброму делу приготовлена! 30.01.31 года».

Чем больше Володя переписывался с ней, тем меньше он чувствовал тяжесть тюрьмы, тем ближе он был и к Господу и ко всему доброму, хорошему.

«Я чувствую, — думал он, — мы мыслим одинаково, сердце бьётся одинаково и, хотя я её никогда не видел, какая она: блондинка, брюнетка, высокая или низкая, полная или худенькая, я всё равно люблю её». Он молился о ней Господу, и ему становилось всё яснее, что не Дуся, не Оля, а именно эта неизвестная, невиданная Паша предназначена Богом быть ему другом его жизни. Ему казалось, что несомненно, девушка, обладающая такой высокой духовной красотой и внешне должна быть красивой. Засыпая, он всегда думал о ней, и она всегда представлялась ему необыкновенной красавицей. Мысли о деле Божьем, о духовной работе ушли куда-то в сторону. Он чувствовал, что нужно что-то решить, и он написал ей, что сердце его со всей серьёзностью искренно хочет быть близко знакомо с ней для того, чтобы, возможно, решить их судьбу. В письме он просил прислать с неё фото.

Глава 24.

«Будьте братолюбивы» Рим. 12:10

За простым деревянным столом, смотря в окно, облокотившись головой о руку, сидит Паша. На столе — открытая Библия, письма, чернила, бумага. Вот она уже целый час сидит так: не читает и не пишет, сердце её тревожно бьётся. — И зачем это Володя просит у меня фото? И пишет о какой-то судьбе? Я дала обещание Господу быть верной Ему, не связывать себя семейной жизнью, но почему в сердце от этой переписки с братом появилась какая-то нежность к нему? Я ведь служу всем и никогда никем не должна быть связанной. Господи, помоги мне разобраться во всём этом, — шепчет она. — Узнику, верно, будет приятно, если он получит фото с меня, но может появиться что-нибудь плотское, лишнее страдание. Она долго боролась, но потом решила: «Если я

пошлю фото, это меня ни к чему не обязывает. Мы только будем больше знакомы друг с другом».

Она написала адрес на конверте, выбрала фото, где она снята с подругой в белом платице и послала. О Володе она думала только тогда, когда писала ему письма, в остальное время ей было некогда. Она жила Господом, думала о многих узниках, помогала им, писала им, и ничего личного для неё не существовало. Она была воплощением тех слов, где сказано: «Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом» 1 Кор.7:34.

Глава 25.

«Брак у всех да будет честен» Евр. 13:4

Когда Володя получил письмо, и, держа в руках, почувствовал, что там фотография, сердце его необыкновенно забилося. Он вновь и вновь всматривался в эту девушку, одетую в белом, в её правильные черты лица, этот добрый кроткий взгляд, гладкая причёска волос- всё было так обыкновенно для христианки. Смотря на фотографию, было трудно судить подробно о чертах её лица, платье было такого покроя, и она так стояла, снявшись с подругой, что невозможно было понять, как красива она телом.

Володя был несколько разочарован. Он ожидал видеть фотографию девушки какой-то необыкновенной красоты. Но это было самое обычное красивое лицо простой русской девушки. «Люблю ли я её? — задал он себе вопрос. — Достоянна ли она моей любви?» Уловив себя на этой мысли, он покраснел: «Достоин ли я её любви? В чём моё достоинство?» Он вспомнил свою жизнь, во многом ему было далеко до Паши. Единственно главное его достоинство было то, что он был узник ради Христа. Несколько дней он трудился над письмом, в котором решил сделать ей предложение на совместную жизнь. В это письмо он хотел вложить всю свою душу, но оно как-то не получалось. Он рвал, писал снова, молился, советовался с братьями. Не только братья, но и все сотрудники в цехе знали, что Володя хочет жениться. Братья молчалием обходили его стремление. Неверующие же смеялись:

— Ну, что, Володя, задумал? У тебя срок-то какой впереди! Ну, какая девушка, да ещё красивая, свяжется с тобой?

— Ты хоть парень не плохой, — буркнул сурово кузнец, — а нехорошо, даже не по-Божьи сделаешь, если свяжешь с собою девушку. Нынче ты здесь, завтра там, просто покалечишь жизнь её.

В сущности Володя и не думал о счастье Паши. Он просто любил и хотел, чтобы она была его. Он знал, что эта чудная христианка, дав обещание, никогда до могилы не покинет его. И он послал ей предложение на совместную жизнь.

Глава 26.

«Не хорошо быть человеку одному» Быт. 2:18

Был морозный февральский вечер. Несмотря на то, что она уже давно гуляла по улице одна, ей не было холодно. Как только она вдумывалась в смысл его письма, её бросало в жар. Она уже несколько дней думала об этом письме. Ей становилось страшно, она понимала, что это самый важный шаг в жизни человека, но ведь он для неё не существует! Она целиком отдалась Господу, дала обет, сколько различных прекрасных братьев предлагали ей свою руку, она всем кротко отказывала, и они не огорчались, зная, что она посвящает себя делу спасения. Но тут дело другое... Ей протягивает руку, ища поддержки, помощи от неё брат-узник, жизнь которого полна скорбью, надежды которого поломаны. — Боже, — говорила она, смотря на небо, на котором зажигались звезды. — Ведь он так пишет, что я ему нужна, он дорог мне по письмам. Я знаю, соединиться с ним — это разбить себе жизнь: ни покоя, ни приюта. Люблю ли я его? Я его не знаю, и фотографии не видела, но то, что он как Ты, в терновом венце страданий, этого уже достаточно для меня.

Другое сознание сжимало сердце: «А ведь я нарушу обет Богу... Но ведь это не ради себя, не ради плоти, ради Тебя, Господи, я готова пожертвовать собой». В ту же ночь она написала ответ, что согласна. Один только Бог знал, какую жертву сделала Паша, решившись погубить свою юность, лучшие возможности, соединяя свою жизнь с заключённым. Делая это, она вспоминала слова Спасителя: «Если кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет её ради Меня и Евангелия, тот сбережёт её».

Полученный ответ на предложение влил как бы новые силы в душу Володи. Он тут же торопливо ответил ей телеграфным стилем: «Добрый день. Твоё последнее письмо получено. Более чем солидарен с твоими чувствами и письмом. Иначе и не могло быть, и не должно! Хвалю тебя! Жди вполне соответствующий и исчерпывающий ответ почтовым заказным отправлением. Карточку тоже. До свидания!» Далее следовала красивая подпись Володи и число 10.02.31 г.

Вскоре Паша получила и его заказное письмо. «А всё-таки он красивый, — подумала Паша, — а я ведь этого не искала, и он нигде не хвалился в письмах своей красотой». В письме Володя изливала чувства из своего сердца. При мысли, что они должны принадлежать друг другу, на него снизошло поэтическое вдохновение:

Глядишь ты вдаль житейского волненья,
Но ничто не манит твои усталые глаза,
Душа полна иного вдохновенья,
Во взоре светится сострадания слеза.

Не мучься ты душой своей усталой,
Неравнодушный взор на время успокой,
Отдай себя другой такой же воле,
Сотри слезу дрожащею рукой.

Несмотря на то, что он находился в тюрьме, и однообразно тянулись дни, Володя был полон жизни, надежды. Неволя теперь для него, ожидающего близости с Пашей, была как-то особенно тяжела. Он сам не понимал себя. С одной стороны — прилив сил, казалось, он должен всё легче переносить, с другой стороны — нарастающая страстная жажда свободы и страшная тяжесть казённых стен. В сердечной откровенности он писал Паше:

«О, Боже мой! Дай мне терпенья,
Дай до конца стоять мне на скале,
Дай мне Твои лишь утешенья,
Что Ты со мной, что Ты во мне.

О, Боже мой! Когда я буду
Среди сияющих лучей?
Когда я муки все забуду
Среди ласкающих очей?

О, Боже мой! Когда я буду
Уж снова жить и не стоять,
И вои бурь когда забуду,
Чтоб петть свободно и дышать?

Когда же пальмовую ветку
Уронит кто-нибудь ко мне?
И теплота, покой и ласки
Умчат забвенью, как во сне?

Мечтая о свободе, он работал изо всех сил, получал большие проценты, зачёт рабочих дней. Появлялась надежда: «А, может быть, сбросят срок, и я выйду?» Страдать совсем не хотелось. Хотелось поскорее сбросить этот крест, обнять Пашу и забыться с ней в любви и поцелуях. Иногда на него прямо нападала тоска, и он писал ей: «Я не могу, уж тают силы, Слабеет сердце, давит грудь...» А она как чудный небесный Ангел, никогда не жаловалась ему на тяжесть своей жизни, на тоску о нём, а писала ему лишь слова утешения, бодрости. Он писал ей, прося, чтобы скорее приехала она на свидание. Перед Пасхальным праздником он послал ей красивую открыточку с поздравлением:

«Поздравляю с высокаторжественным праздником Светлым Христовым Воскресением. Желая, чтобы вся твоя жизнь была для тебя тем светлым утром радости и восторгов, которое озарило всю вселенную и сердца спасённой Марии и её подруг, осуществивших живую веру в Господа. «Пойди, возвести братьям». Матф. 28:10. Остаюсь с лучшими пожеланиями к тебе — твой Володя».

Глава 27.

«Утешайтесь надеждою» Рим. 12:12.

Семнадцатого апреля 1931 года они впервые свиделись. Это был солнечный морозный день. Паша немного продрогла, стоя у красной кирпичной стены, ожидая время свидания. Но когда они сели рядом, и Володя крепко обнял её, и уста их слились в долгом поцелуе любви, ей сразу стало тепло.

— Володя, милый, видимо Бог дал мне тебя, чтобы я тебе, страдальцу, посвятила свою жизнь.

— Да! Да! Это судьба! Ведь мы только вот две минуты, как видим друг друга, и так безгранично любим.

Володя смотрел в её лучистые чудные глаза и чувствовал в них великую любовь, любовь Божию и любовь женскую, любовь невинной святой девушки христианки. И тогда он понял, что карточка не передала и сотую долю красоты, которою наделена Паша. Прекрасная душа, отражающаяся в её красивом лице, делала её необыкновенно привлекательной.

— Пашенька, родная! Я ценю тебя, я понимаю ту жертву, которую ты делаешь ради меня.

— Прекращайте свидание! Время вышло! — раздался резкий грубый голос.

— Гражданин дежурный, ещё одну минуту!

— Нет, нет, идите, заключённый!

Последние поцелуи... На глазах Паши слёзы...

— Я тебе пришлю ещё фото, не плачь!.. — крикнул уже издали Володя.

Володя послал ей открытку, где он снят в своей кожаной фуражке. Задумчиво облокотившись на руку, он смотрит вдаль. В другой руке он держит любимую Книгу. На обратной стороне он написал: «Милому другу Паше в память первого свидания, 1931 год. Где мы убедились в верности решения нашей судьбы, где голос сердца и души невольно воскликнул: «Благодарение Богу за всё, что Он даровал нам. О, Слава Тебе Предвечный Всемогущий Бог, за всю Твою неизреченную Любовь!» Будем верны до смерти как своему Господу, так и друг другу, чтобы иметь жизнь. До конца любящий тебя и верный тебе до смерти — твой Володя» 28.04.31 г. Мариинск.

После свидания с Володей Паша стала жить какой-то уже другой жизнью.

Внешне она оставалась той же и жизнь её ничем не изменилась. Она также шила, работала, помогала заключённым, писала им письма, также молилась Господу и читала Его Слово, но теперь, что бы она ни делала, всё время перед ней был Володя. Сердце её прилепилось к нему навеки, навсегда. Она в первую очередь писала ему, лучшее посылала ему.

«Что со мной? — иногда в недоумении думала она. — Как будто образ Володи застилает даже образ Господа, а дальше что будет? «Замужняя заботится о том,

чтобы угодить мужу». О, Господи! — вздыхала она. — Я же буду заботиться о Володе и тем угождать Тебе!»

Володя не переставал писать ей горячие письма, которые часто он выражал в стихах. Тюремные дни шли... Иногда надежда на счастливые дни покидала его и он писал:

Миновали счастливые годы,
Где не раз меня жизнь ласкала,
И, как в зеркале чистом свободы,
Она райскую жизнь отражала.
Что прошло никогда не вернётся
И на жизнь, как на тихие воды,
Луч свободы уже не прольётся.
Миновали счастливые годы.
Среди грешного в мире народа
Правда меркнет во лжи и обмане,
И как луч угасает в тумане.
Миновали счастливые годы.
С верной любовью к тебе, твой Володя.

Сознаваясь, что слишком печальное пишет своей невесте, он добавлял: «Если грусть сроднилась с тобой — не унывай. И здесь есть удел счастья».

В ответ Паша писала слова бодрости и любви, нежной ласки, которые согревали сердце Володи и невольно звали его на свободу, а свобода была так далека, что невольно отчаяние вкрадывалось в его душу. И вместо того, чтобы ободрить Пашу надеждой, он писал:

Небо хмурое что-то вещает,
Тучи тёмные ветер рванул,
Солнце в тучах уже угасает,
Бор зелёный ветвями качнул.
Нет остывшему веры согреться,
Холод, холод, что дальше — темней,
И не может пустыня совлечься
От своих омертвелых теней.
Лишь холодный гранит одиноко
Что-то внемлет и вечно манит,
Волна с шумом примчится, омоет,
Тот гранит и опять убежит.
Только катятся волны прибоя,
Только слышатся плески и шум,
Только холод... и камня устои
Нам не скажут таинственных дум.
Целую тебя, твой Володя.

Однажды на него напало такое уныние, что он перестал писать Паше. Паша

тревожилась, не находила себе покоя и писала ему, роняя слёзы: «Мой милый, Володя! Привет тебе! Крепко целую тебя и желаю во всём благополучия. Нахожусь дома, а от тебя ничего нет... Здоров ли? Как твоё самочувствие? Как-то скучно не получать от тебя ничего. Когда была вдали от своих, то как-то думалось, и ты очень далеко, а теперь уже и скучно... Вчера получила от Маруси письмо, она очень беспокоится за тебя, хотя я ей писала, а всё же и ты должен успокоить её. Будь здоров, радостен и весел!

Пусть вокруг бушуют волны,
Пусть режут сколько им угодно,
Нами управляет чудный кормчий,
А за Ним мы идём куда Ему угодно!

Крепко любящая тебя, Паша.

Вскоре Паша приехала к нему на свидание. Они несколько раз были вместе. Володя ободрился. Опять весело стал смотреть на жизнь и в стихах восхвалял дорогую Пашу.

Где ты теперь, моя милая?
Недавно была ты со мной.
Угрюмые стены постылые
Стоят как ночь перед тобой.
Уж веяло холодом северным,
И ты той морозной порой
Собою прекрасная, бодрая,
Стояла у врат за стеной.
Объятая холодом трепетным,
Ты в первый осенний мороз
Смотрела к нам взором приветливым,
И очи полны были слёз.
Я часто с душою тревожною
Из внутренних стен выходил,
Чтоб взором тебя незабвенную
Я встретил и вновь проводил.
Пролетит незабвенным мгновением
Свидание наше с тобой,
Судьба и мне шлёт долю счастья
Хоть миг один побыть с тобой.

Уехала от него Паша более спокойной. Она видела, что в сердце Володи горит огонёк веры, надежды, любви. Вскоре к ней из Алма-Аты приехала сестра Володи Маруся. Они провели чудные дни общения, радовались, читая его письма и стихи. Кое-что сделали они и для Володи. Провожая Марусю к мужу домой в Алма-Ату, Паша написала Володе открытку:

«Мой милый Володя! Крепко целую тебя и за всё искренне благодарю тебя. Марусенька сегодня уезжает. Я очень рада, что имела с ней такое сладкое

общение. Ну теперь ты будь спокоен за меня. И одно, что я буду просить тебя, да и уже чувствую твою силу в этом, а именно: молись, молись за меня пред Тем, в чьих руках наша жизнь. Не унывай! Будь спокоен, радостен!!! Господь да даст тебе сил и в нынешних страданиях и переживаниях до конца, даже если будет смерть — быть верным Ему. Одно моё желание — будь верен Ему! Целую тебя, твоя Паша ». 05.06 31 г.

Теперь она каждый день не только думала о Володе, но и о том, что он делает, как он отдыхает, и в каждые свободные дни собиралась вновь поехать к нему на свидание.

«Володя, добрый день! — она писала ему в открытке. — Сегодня у тебя день отдыха, как ты проведёшь, будешь скучать? Но ничего, может недолго уже ждать. Не унывай, а в терпении жди. К двенадцатому я думаю быть у тебя. Больше обращайся к Тому, от Которого зависит всё. Твоя Паша».

Глава 28.

«Желаю, чтобы все люди были, как и я» 1 Кор. 7:7

Наступила зима. Морозный сибирский воздух затруднял даже дыхание. Володя не унывал. Он работал в тепле, всем был обеспечен. Здоровье было крепкое. Паша аккуратно писала ему и часто приезжая, радовала его не только словами, но и всем своим существом. Однажды, придя с работы, он только что лег на койку отдыхать, как дневальный позвал его.

— Володя, там пришел этап и говорят какой-то знакомый вас вызывает.

— Кто же это, — подумал Володя. — Верно опять всё братья идут в узы.

Он торопливо оделся и направился к карантинному барaku. Огромный барак с многоэтажными нарами был переполнен. Сизый табачный дым, подобно туману, наполнял воздух. Среди многих сотен людей трудно было найти знакомого. Всмотриваясь в лица, он искал.

— Володя, окликнул его чей-то, как будто знакомый голос. Перед ним стоял изнеможенный худой юноша. Его лицо было бледное, белое, как недавно выбеленная стена. Большие чёрные глаза с любовью смотрели на него.

— Володя! — ещё раз повторил юноша.

— Лев! — воскликнул Володя и бросился ему на шею. — Так вот и ты теперь узник!

— Да, удостоился!

— Да, мы слышали, что ты взят, и тебя возили в Канск, потом, кажется, ты был в Красноярске.

— Да, — сказал Лев, — а теперь осуждён, еду из Иркутска.

— Эх, взял бы я тебя к себе. У нас ведь сейчас так хорошо, чисто в общежитии. Напоил бы чаем, да только вас, карантинных, не пускают к нам.

— Да не нужно ничего, — сказал Лев, — давай лучше побеседуем. Ведь я больше года уж не видел братьев, нет ли у тебя Книги? Я так соскучился по Ней! Тут у одного немца брата была на немецком языке. Так я открыл, хотел читать, но забыл немецкий и ничего не прочёл.

— Есть, есть. Я завтра непременно приду и принесу тебе, и ты считаешь.

— Хотя здесь шумно, но ничего, сидя на нарах, давай помолимся Господу, что ещё встретились на земле. В горячей молитве узники обратились к Тому, Кто был их Отец, для Которого не существовали ни проволочные ограждения, ни каменные стены, ни замки, ни решётки. Очи Которого обозревали всю землю, чтобы поддерживать тех, чьё сердце вполне предано Ему.

— Ну, как твоё здоровье? — участливо спросил Володя Льва.

— Плохо, совсем плохо стало. Но не унываю. В Иркутске хотели меня совсем активировать по сердцу и малокровию, но я упросил врачей не делать этого, а направить в лагерь. Я хочу работать, а не сидеть попусту в тюрьме. А, может быть, скоро придётся умереть, я полностью пожертвовал собой и не жалею. Когда был момент, я совсем прощался с жизнью, я хоть не певец, а запел: «На небе мой Отцовский дом Иду домой к Иисусу», — улыбаясь рассказывал он.

— Ну а как ты? Как тебя Господь благословляет? — спросил он Володю.

— О, дивно! — воскликнул Володя. Глаза его засверкали. — Мне много-много надо рассказать тебе. Чудно Господь ведёт Своими путями.

— Расскажи, расскажи поскорее, Володя, — сказал, оживляясь Лев, — я ведь так долго был в одиночестве!

— Так вот. Ты знаешь Пашу? Она известна у нас по Сибири. Это чудесная девушка христианка.

— Знаю, — сказал Лев, и глаза его засветились радостью. — Когда я был в Тальцах, посещал братьев узников, она была там. Я около суток был с нею. Действительно, настоящая христианка, — звезда нашего времени!

— Так вот я имел и имею с ней тесную переписку. Она была у меня на свидании.

— Как это замечательно! — воскликнул Лев, — ты счастливее! Действительно, скольким узникам она оказывает любовь и заботу. По Некрасову: Где горе слышится, Где трудно дышится, Она первая там. Отказавшись от всего личного, она всё отдаёт ближним.

— Так вот, Лев, представь, — продолжал Володя, — мы не видясь никогда, полюбили друг друга.

— Как полюбили? — спросил Лев. — То есть, как все мы любим друг друга?

— Нет, это больше !

— Как это больше? Нет ничего больше Божьей любви!

— Да вот так, мы обменялись фотографиями, она приезжала ко мне на свидание и теперь мы жених и невеста, и скоро, надеюсь, будем муж и жена. Как громом поражённый, низко опустив голову, сидел на нарах Лев и ничего не говорил. В его жизни, которая шла среди мрака, яркими Звёздами горели

лучшие христиане. Среди них Звездой первой величины была Паша. И вот, словно чёрные тучи закрыли всё. «Значит, все ищут своего, — думал он. — Никто не хочет жертвовать собой до конца!» Было страшно тяжело, что тот человек, которого он считал одним из лучших в наши дни, Володя, также ищет своего.

Володя ничего не замечал, он вытащил из кармана записную книжку и начал читать стихотворения, посвящённые Паше.

— Вот послушай, — говорил он, — эта любовь вдохнула в меня дар поэта, — и он декламировал:

Я весь твой всей моей любовью,
Я весь твой всей моей душой,
Я весь твой моей пылкой кровью,
Моим незримым сердцем я твой.
Я весь твой и моими очами,
Тебе ласки мои отдаю,
Я весь твой и моими словами,
Я ласкаю тебя и люблю.
Я весь твой моим тёплым приветом,
Я весь твой всей моей добротой,
Я весь твой, чтобы всяким наветом
Быть любимым тобою одной.
Я весь твой моим каждым вниманьем,
Мои чувства тебе отдаю,
Я весь твой моим редким молчаньем,
Чтоб ты знала обиду мою.
Я весь твой, чем могу и чем смею,
И за жизнь свою жизнь дарю,
В любви только тебя я желаю,
И любовь лишь тебе отдаю.

— Ну как, красиво? — спросил он у Льва.

На его вопрос Лев ничего не ответил, а только грустно, глядя на него, покачал головой и тихо сказал:

— И этим ты прославляешь Бога теперь, когда рушится дело Божие? Когда столько страданий и слёз?

— Но моя любовь уменьшит слёзы, — сказал Володя. — Всё-таки я несу Паше счастье. Вот, например, я ей пишу тоже стихотворение:

Ты моя вся нетронутым телом,
Ты моя вся невидимой душой,
Ты моя вся решительной, смелой,
Ты моя и любимая мной.

Никому из людей ты не скажешь:

«Я твоя всей любовью моей».

Ты одну лишь любовь мне покажешь,
И навеки ты будешь моей.
Ты со мною безмолвна, незрима,
Моя жизнь и жизнь твоя,
Ты моя, только мною любима,
Ты моя, ты навеки моя!
Мои ласки, мои поцелуи,
Мою душу, пленённую тобой,
Для любви лишь тебе отдаю я,
Твой навеки я, только лишь твой!

Лев сидел, как ошеломлённый. Он подобные вещи читал не раз у обычных поэтов своего времени. Но к христианину, казалось, это совсем не подходило. — Прочти ещё раз, — попросил он Володю. Тот декламировал, Лев старался вдуматься в смысл слов и не понимал: «Как так: «ты моя вся нетронутым телом?» Ведь Паша отдала себя Господу: и тело, и душа принадлежат Ему, а Володя пишет: «мою душу пленённую тобой, Для любви лишь тебе отдаю я». Ни слова о Боге, ни слова о любви к ближнему, что является целью жизни. Это любовь двух, в сущности себялюбия».

— Ничего не понимаю, — сказал Лев, — написал ты красиво, но время ли думать сейчас об этом? Скажу словами Апостола Павла: «Мне вас жаль» 1Кор.7:28. Просто не представляю: свадьба — это радость, а теперь время траура. Впрочем, каждый поступай так, как Бог ему определил. «Пусть благословит вас Бог!»

Володя ушёл. Настала ночь. Долго не мог уснуть Лев, лёжа на досках. Постели были направлены на дезинфекцию. Но он не спал не потому, что было жёстко — давно доски стали его любимой постелью, а потому, что не мог успокоиться. Он часто вздыхал и шептал: «Боже, Боже, неужели нет людей, которые целиком отдают себя Тебе?» Душою он словно всматривался в окружающий мрак страданий, искал звёзд и не видел их. «Паша, Паша! Неужели ты закатаешься, и не будет тебя? И тут пред Ним предстал Тот, Который не имел где преклонить главу, Который не имел ни семейного уюта, не знал ни ласки, ни покоя. Тот, Который умирая, томимый жаждой, позором, не имел под головою мягкой подушки и умер, отдав всё. «Идти за Ним, по следам Его!» — думал Лев, засыпая. Во сне ему снились страдания, смерть. Но это не пугало его. Он знал, что это самое лучшее в этом мире себялюбия, лжи и греха.

На другой день к вечеру явился к нему сияющий Володя и принёс Библию. Лев поспешно взял её и с наслаждением стал читать, как жаждущий путник, как путник, изнывающий без воды, с радостью пьёт, утоляя свою жажду. Насчет Паши и Володи он как-то смирился.

— Ты не думай, Лев, что соединив нашу жизнь вместе, мы будем далеки от дела Божия. Мы так же совместными усилиями будем строить Божий дом. А потом подумай, Лев, ведь со стороны Паши — это величайшая жертва: связать свою

судьбу с заключённым. Это значит иметь жениха, потом мужа, и в то же время не иметь.

— Да, это верно, верно, — сказал задумчиво Лев, — всё-таки чудесный человек Паша!

И словно чёрная *туча* куда-то отошла в сторону, и опять в душе его яркой звездой вспыхнул образ Паши. Но, правда, уже звездой не первой величины.

— А знаешь что, Лев, — я тебя порадую.

— Чем же ты ещё можешь порадовать, Володя? Ты и так меня порадовал, принёс Библию.

— Знаешь, я сегодня написал письмо Паше и уже отправил, пишу, что ты здесь и чтобы она сейчас же приезжала и взяла свидание с тобой и со мной. Она непременно придет, как только узнает, что ты здесь.

— О! Это замечательно! — сказал Лев, и лицо его даже слегка порозовело... — Увидеть её ещё раз в жизни, сказать ей и тебе лучшие пожелания — это лучшее, что я хотел бы.

Каждый вечер виделись, бывали вместе Володя и Лев. Каждый день они ждали той минуты, когда придет Паша и луч радости ещё вольётся в их томящиеся неволей сердца. Но вдруг Льва вызвали на этап. Они едва успели попрощаться, пожелать верности до конца Господу, и их разлучили. Вскоре приехала Паша.

— Вот только что отправили, — говорил Володя ей, — как он хотел тебя видеть, он очень тебя уважает!

— А ты не можешь адрес его достать? — спросила Паша.

— Нет, — ответил он, — этап ушёл в неизвестном направлении. Через несколько дней Володя получил открыточку от Льва, что он ещё жив, верен Господу, работает на лесозаготовках. Володя тут же написал ему, описывая, как жалела Паша, что не застала его. Это письмо было большой радостью для Льва. — Значит, — думал он, — любя Володю, она продолжает всё так же горячо любить Господа, а любя Господа, она по-прежнему готова любить и заботиться о тех, кто страдает ради имени Его. И снова в его душе в этой тяжёлой тёмной жизни яркой звёздочкой горел образ Паши. «Благослови их, Господи! Дай им счастье! Особенно прошу за Пашу, дай ей быть до конца Твоим светильником, утешающим многих», — так молился о них Лев. Скоро его перевели на другое место, и он больше не мог переписываться с Володей.

Глава 29.

«Будем делать добро» Гал. 6:10

Проходили месяцы за месяцами. Христиане, которые начинали заниматься личными делами, всё меньше заботились о Господнем. Почти повсюду общины были закрыты. Во многих оскудела вера. Старые крепкие столпы оказывались

подгнившими и рушились в испытаниях. Не желая страдать, падали, обдавая окружающих смрадной гнилью. Но яркими сибирскими звёздами горели идущие за Иисусом. Среди них была по-прежнему Паша. Личное не угасило пламя любви и милосердия. Она по-прежнему отдавала всё для других. В Черёмхове, где в угольных шахтах трудились братья, она была светлым ангелом, несущим утешение и материальную помощь. Чудесен образ русских женщин в произведениях Некрасова, нельзя не восхищаться жёнами декабристов, но когда всматриваешься в жизнь Паши, которую руководила не плотская привязанность, не женская любовь, а любовь Всемогущего Бога, то видишь в ней человека будущего. Сейчас, открывая её старую Библию, читаешь стихотворение, посвящённое ей в Черёмхове одним неизвестным братом-узником и ещё ярче, несмотря на то, что прошли многие годы, светят лучи этой чудной сибирской звезды. Сейчас, когда пишутся эти строки, я читаю на листке, вклеенном в её Библии:

Славной и милой сестре Паше.
О! Как я ждал с тобою встречи.
О! Как желал я видеться с тобой.
Как жаждал слышать твои речи,
И в пеньи голос милый твой!
И вот услышано желанье:
Ты здесь! Ты также весела,
И как небесное созданье
С собою радость, счастье принесла.
Господь тебя вознаграждает,
И в дар любовь Свою дает,
К нам, заключённым посылает,
И к обездоленным зовёт.
И ты иди и пой им песни,
Пой про любовь, что даровал Христос,
Скажи им, чтоб не унывали,
И чтоб не лили жгучих слёз.
И чтобы бодро, с упованьем
Смотрели в будущую даль, —
Ведь Он в Своём обетованьи
Заменит радостью печаль!

Жизнь Паши была наполнена сплошным трудом. Не было ни одной свободной минуты. Иногда она задерживалась с письмом Володе. Тогда он, исполненный беспокойства, писал ей:

«Добрый день, Паша! Почему долго не слышно тебя? В чём дело? Что с тобой? Сообщи! Не забывай, что без предупреждения твоё молчание беспокоит меня. Я доверяю тебе во всём. Если есть какая причина, то сообщи немедленно. На твоё последнее письмо я ответил сразу же. Вторая неделя, как нет ответа на это

письмо. Почему? Какая-то грусть сегодня охватила меня. До свидания! Твой Володя».

Получив в ответ бодрое радостное письмо с подробным описанием своих бесконечных дел, Володя оживлялся и писал ей: «На океане жизни, когда мы ещё не знали друг друга, волны носили нас с тобой, тешась нами и играя. Сама жизнь, как заботливая мать, приучила нас ко всему, возводя нас до возможного совершенства. А судьба уже решила вопрос нашего счастья и волею Бога волны жизни соединили и сплели наши мысли и чувства для определённой цели. Несмотря на обстановку и условия жизни решённое судьбой время наше уже сбылось. Если бы не было несчастий, в это время мы должны были уже знать друг друга, но всё же должно было бы сбыться так, как начертано Богом и будет! Я знаю тебя всю. Мне кажется, я понял все глубины души, но только понял, а не постиг всей широты твоей покорности и добродушия и я говорю: «Господи! Разве я могу постичь Тебя в Твоих делах? Как верю Богу, так и тебе, что всё сохранится и сбудется в своё время, и мы сольёмся навеки непотухающим огнём любви. Крепко целую тебя, милая Паша. Я люблю тебя до смерти и знаю, что не будет такого часа, когда я не вспомню тебя, и грусть по тебе не покинет меня, которой грусти я готов отдать моё сердце и душу».

Глава 30.

«Будут двое одна плоть» Еф. 5:31.

Володя хорошо работал, его всячески премировали и однажды объявили, что он будет расконвоирован, то есть по делам работы он может ходить в Мариинск, бывать вне лагеря. Для него это было целым праздником. Теперь они смогут стать с Пашей одно, получив благословение Божие. Среди находящихся там узников был тоже брат пресвитер, сибиряк, который давно хорошо знал и Володю и Пашу. Он имел тоже свободный выход в Мариинск.

— Брат дорогой, вы нас повенчаете? Ведь это будет такое счастье!

Старик задумчиво качал головой и говорил: «Как же это так я смогу без общины, без хора... Так где же это?»

— Очень просто, — говорил возбуждённо и радостно Володя. — Мы зайдём к брату, что живёт в Мариинске, у него никого нет. Это дело одного часа. Я только Паше напишу, она сразу приедет. Момент благоприятный.

— Ну как же, брат, — сказал пресвитер, — она вольная, ты — заключённый, в ЗАГСе вас зарегистрировать-то не будут.

— Да вот как — освобожусь, так нас зарегистрируют, — сказал Володя. — А теперь нам важно только благословение Божие.

— Ну что же, — сказал старичок. — Да будет воля Божия. И ты, и она — хорошие наши, и вы достойны друг друга.

Володя написал Паше о своей радости и возможности теперь вступить в брак. Просил не замедлить приехать. Получив его письмо, Паша тут же собралась. Никогда у неё не было мысли о приданом, и оно не существовало, не было у неё и мысли о венчальном платье, да его и не было. И теперь, собираясь на свою свадьбу, она осмотрела свои платья. Все они были уже поношены, очень простенькие и ничего подходящего для одеяния невесты не было. Но это несколько не смутило её. Она выбрала светлую полосатую кофточку, чёрную юбочку. Они были чисты и вполне прилично сидели на ней. А об убранстве своей головы или ног она и не думала.

По приезду Паши, Володя, несмотря на заключение, радовался как все женихи. Он побывал в парикмахерской, тщательно побрился, подстригся, освежился. Привёл в порядок свой костюм, тщательно проверил перед зеркалом, как сидит галстук. Наконец, настал долгожданный час! В простой комнате деревянного бедного дома без всякого убранства совершалась их свадьба.

Их было трое: брат-пресвитер, Володя и Паша. После молитвы, произнесённой старцем, они тихо спели: «Господь пребудь Ты с нами, И нас веди всегда, Премудрыми путями К источнику добра».

Они сели на табуретки, стульев здесь не было, перед столом, за которым стоял пресвитер, раскрыв Библию.

— Я вам прочту, — начал он, — а спеть-то не смогу, я не певец. Эх, Володя, Пашенька! Сколько вы пели брачных гимнов на свадьбах, а вам-то и спеть некому. — На глазах старика появились слёзы.

— Эх вы, горестные мои, — и он заплакал. Невольно и у Паши и у Володи навернулись слёзы. Это была свадьба в слезах. Он прочёл им чудное место из послания к Ефесянам 5 глава 22-33 стихи. Тихим слабым старческим голосом он наставлял Пашу и Володю. Глубокая любовь и желание великого Божьего благословения слышались в голосе старца. Преклонив колени, со слезами он молился о них, умоляя, чтобы Сам Иисус Своими пронзёнными руками благословил их на начало новой жизни. Горячо молился Володя, вновь и вновь предавая путь своей жизни и путь своей спутницы в руки Спасителя. От всей души просила Паша Господа помочь ей быть верной спутницей этого брата, дарованного ей, с которым она готова была разделить все тяжести его невзгод. Ни свадебного обеда, ни торжественных пожеланий, ни подарков, ничего не было. Был только мир, глубокий мир в душе и твёрдая уверенность, что их семейный союз — воля Божия.

— Вот теперь мы — муж и жена, — сказал Володя, когда они шли по улице и она провожала его.

— Да, это всё как во сне, — сказала Паша, — не думала я никогда и не мечтала ни в детстве, ни в ранней юности. Да будет воля Божия!

Не доходя до ворот, они крепко обнялись, поцеловались, и Володя торопливо зашагал туда, где ждали его. А она пошла на станцию, купила билет и уехала. Так началась их жизнь, мужа и жены, жизнь по-прежнему тяжёлой разлуки.

Соседи, где жила Паша, тоже узнали о странном её браке, и, здороваясь с ней, не поздравляли её, а смеялись.

— Ну, Паша, теперь не знаю, что ты, что называется ни вдова, ни мужняя жена. И дал Бог тебе счастье, просто не пожелаю никому такого несчастья...

Паша слышала, что первые месяцы молодожёны живут в особой любви. Эти месяцы в народе называются медовыми, и после люди всю жизнь вспоминают это счастье первой любви. Ничего подобного в их жизни не было. По-прежнему та же разлука, те же письма... И чем мог порадовать Володя свою молодую жену? Он был беден, и не мог купить ей ни платья, ни сделать какого-либо подарка. Он был далеко от неё, и не мог согреть её своими ласками.

Единственно, что он мог, это писать ей стихи. И он писал:

СВОЕМУ ДРУГУ ЖИЗНИ.

Ты здесь, со мной, мой милый друг сердечный,

А помнишь ты тот чудный день,

Когда Союзом нас соединил Предвечный,

И стали мы одно и навсегда.

Всё было сном и было как-то чудно,

Что нас влекло друг к другу безрассудно,

Всё было в том таинственно и свято.

Вот всё, чем жизнь наша обильна и богата.

Посредник был Единственный меж нами.

Ты знаешь всё... Могу ль тебе писать...

Как сладко было и думать, и читать,

И часто, часто с чувством и слезами.

И было так не дни, а больше года,

Лишь с нами не была желанная свобода.

Нам думалось, свобода скоро придет,

И напоследок жизнь нисколько не обидит.

Мы ждать решали дальних дней, но нет,

Настал тот час, исполнился обет.

Так вот с тех пор прошло не больше года,

Обет уж жизнь, но не пришла свобода.

В тиши ночной пред утром и над нами

Свершилось всё священными словами.

Мой милый друг, уже проходит год,

Как мы живём среди горя и невзгод,

И тянешь ты нужду чужую, горе,

На что всё это и зачем тебе?

Ведь ты взяла всё на себя не впору,

И покорила ты такой своей судьбе.

А сколько уж тобою слёз пролито,

Судьба ли это раннею порой?

Мой друг! Поверь, ничто мной не забыто,
И плачу я такую же слезой.
Меня познала ты, и раньше не любила.
Но горе вот — и вот твоя любовь.
Так, значит, ты такая всей душой,
Что не могла вся жизнь тебя опутать.
Связалась ты любовью не со мной,
Но ты других привыкла горе слушать.
О, подвиг твой! Как он велик и славен!
Кто делал так что-либо из людей?
Великий тот, кто жертвовал всё людям,
И ты выросла в потоке тех идей.
Я узник здесь, о том всё говорило,
Ты посещался, был тебе чужой.
Но ты свои наветы мне дарила,
И всюду ты как ангел неземной.
Усну ли я? Ты вот во сне пред мною.
Всё также милая, великая душой,
И льются ласки тёплые тобою
Пред мной обильной тихою рекой.
Иду ли днём на труд мой принуждённый,
Ты в мыслях тоже, как во сне,
И на труде — с улыбкой умиленной —
Так я живу и так приятно мне.
Теперь моя ты, так же как неволя,
Конец уж близок, ты сердце не томи,
Познай, мой друг, что Божия здесь воля —
И всё безропотно от жизни ты прими.
Не плачь, мой друг, не лей ты свои слёзы,
Себя средь горя хоть немного пощади.
О, Боже мой! Я знаю эти грёзы,
Не раз сгущались у твоей груди.
Настанет день и будем мы с тобою
Все дни уж вместе счастливо делить,
Не станет грусти и исчезнет наше горе,
И засияет радость на душе и взоре.
Сильные, смелые, юные, прекрасные Володя и Паша пошли душою вместе.
Тянулись долгие месяцы и годы большого терпения. Паша не уставала
посещать Володю и заботиться о нём. Её любовь была светлым маяком,
помогающим ему среди бури жизни держать верный курс. И он не слаб, не
изнашивался. Всё такой же спокойный, выдержанный, он пользовался любовью
не только братьев, но всех окружающих и начальства. Он почти не говорил там

о Христе, но сама жизнь его была ярким свидетельством силы Господней. Сила Господня хранила его от развращённости, от грязных дел, которыми занимаются люди, находящиеся в тех условиях. Теперь он уже не мыслил свою жизнь без Паши.

Глава 31.

«Венчает тебя милостью и щедротами» Пс. 10:24

Прошло несколько лет. В одну из таких белых ночей, которые бывают под Ленинградом, на краю большого котлована на песке сидели двое. В одном из них, худощавом юноше с чёрными глазами, можно было узнать Льва. Другой — старичок, несколько сгорбившийся, но крепкий и сильный — был один из тех братьев, которого посетил Лев некогда в Тальцах, недалеко от Байкала. Они вспоминали ту встречу и делились своими воспоминаниями. Они были по-прежнему узниками.

— Так вот, брат, сказал старичок, — я знал Пашу с детства. Действительно, редко встретишь подобную ей христианку. Всегда мы в их доме встречали любовь. И какая Паша была приветливая, гостеприимная. А потом мы узнали, что Паша дала обет не вступать в брак, всецело посвятить себя Господу. Мы ещё больше стали любить и уважать её, несмотря на её молодой возраст. А как она пела! И всегда скромная, тихая. Когда начались испытания, Паша отдала свою жизнь, своё время, средства страдающим. И вдруг, я узнал, что она вышла замуж.

— Я хорошо знаю её мужа, — сказал Лев, прерывая воспоминания старика, — Это искренний христианин, курсант Московских Библейских курсов. Можно сказать среди молодёжи — Звезда Сибири. Он достоин её.

— Не знаю, не знаю, кто он подробно, — сказал старик, отбрасывая в сторону камень, — тоже слышал, что хороший брат. Но только я боюсь за Пашу, очень боюсь! Ведь это преступление — нарушить обет Богу. Написано: «Что обещал, исполни». Нарушение или неисполнение обета Господу не может быть ненаказанным. Ведь это в сущности — обман Бога.

— Вы очень строго рассуждаете, — сказал Лев, ведь она это сделала не из личных интересов, она фактически принесла себя в жертву, чтобы принести счастье заключённому, она не искала никакой корысти, ничего личного.

— Ценил я её больше всех из нашей молодёжи, — сказал старик, поглаживая седые усы, — и сейчас люблю и помню, но боюсь за неё: не будет ей счастья в жизни, ведь всё же нарушила обет.

— Я всё же так не думаю, — сказал Лев, Бог не человек. — Он знает и видит, что мы прах, и велико Его человеколюбие и милосердие. И если Паша и поступила не совсем так, то Он простит ей и обильно благословит. Написано:

«С искренними Он поступает по искренности их».

— Не знаю, не знаю, — сказал хмуро старик, — будут ли у них даже дети? А, может, и будут, так уроды какие-нибудь. Боюсь я за них. Может быть наказание Божие...

— До свидания, брат, — сказал Лев вставая. Ему стало как-то тоскливо от этой беседы. Он всегда видел перед собой Бога-Отца, милующего, прощающего, а не сурового Бога — Бога Моисея, карающего. — Я верю, сказал он, — что Пашу и Володю ждут благословения!

— И страдания, — добавил старик. — Обет Богу нарушать нельзя!

Глава 32.

«Благ Господь » Пс. 99:5.

Прошло ещё несколько лет. В одном из городов Поволжья на террасе, окружённой деревьями, сидел брат из Краснодара и рассматривал альбом. К нему подошёл Лев и стал что-то рассказывать.

— А у нас в Краснодаре о вас был разговор, — сказал приезжий.

— Как это так? — удивился Лев. — В Краснодаре меня никто не знает.

— А вот так. Я зашёл к одним и тоже вот так смотрел альбом. И там какая-то необыкновенная открытка: изображён терновый венец, в середине изображён крест с распятой буквой Я.

— Так не у Володи ли и Паши были вы? — воскликнул юноша, перебивая его.

— У них, у них.

— Вот неожиданная новость! Так рассказывайте скорей, как они живут?

— Живут прекрасно, слава Богу. Бодрствуют в вере. Она особенно приветлива и всегда радостна. Он работает токарем. Материально обеспечены.

— А дети есть?

— Есть один сынок.

— А как он выглядит, здоровенький?

— Ничего, такой шустрый мальчуган.

— А как звать его?

— Не знаю, как.

— Да, приятно, приятно слышать о старых друзьях, — сказал Лев, а про себя подумал, значит, у них всё хорошо. Видно, Бог простил Пашу. И дитё хорошее. Несомненно, Господь их благословит!

— А вы адрес их не знаете?

— Нет, не знаю.

Глава 33.

«В своё время пожнём» Гал. 6:9

С тех пор прошло ещё больше десяти лет. Много переживаний, испытаний пережили верующие за эти годы. Многие отошли в вечность и успокоились у ног Иисуса. Некоторые потерпели кораблекрушение в вере, но большинство верно продолжали свой путь, храня себя в чистоте и святости. «Твёрдое основание Божие стоит, имея печать сию: познал Господь Своих, и да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господне» 2 Тим.2:19.

В жизни Льва после многих бурь и невзгод наступила тихая гавань. Сам того не ища и не ожидая, он получил от Господа спутницу жизни, которая делила с ним его радости и горести. Она так же, как многие лучшие христианки, делила горечь разлуки. И спрошен ими от Бога сын-малютка, который радуется им. Уже 17 лет он не видел своих друзей юности — Володю и Пашу. Что с ними?

Благословляет или наказывает их Бог?

Казалось, никто не знает их судьбы. Но сибирские звёзды скрыться не могут.

Они известны. Он запросил одного из руководящих братьев Сибири и получил их Ферганский адрес. Началась дружеская сердечная переписка. Из неё он узнал, сколько бурь и невзгод выдержала их семья. Они имели двух детей: мальчика 14 лет и девочку 12 лет. Дети росли больше без отца. Чёлн его жизни многие годы плыл одиноко. Паша безропотно несла крест, воспитывая двух детей и помогая мужу.

Небо хмурится, по нему бегут вновь тучи. И однажды, гонимый волнами, чёлн Льва примчался к тому берегу, где были они. Прошло с дней их свидания 18 лет. Мелкие морщины покрыли лица, но души всё те же, сияющие любовью, ищущие мира и радости всем.

— Вот мой сын, — рекомендовал Володя пятнадцатилетнего мальчугана, — он будущий труженик. Мальчик застенчиво улыбался.

— А вот моя дочурка, ну посмотрите на неё! Сколько в ней Пашиного, а сколько моего?

— Да, по моему, больше Пашиного в ней! — сказал Лев.

— Она моя любимая дочка, — заметила Паша, с любовью смотря на девочку. Девочка искоса смотрела на незнакомого человека, который звал её к себе. Но она повернулась и убежала.

— Да, Лев, — сказал Володя, — когда жена первый раз прислала мне фотографию моей дочурки, она произвела на меня потрясающее впечатление. При всех своих горестях, я был утешен своей прелестной дочуркой. Многие мои товарищи по несчастью долго любовались этим милым личиком. А я молил в душе об одном: чтобы она была христианкой.

В один из немногих вечеров их совместного общения они собрались вместе с

другими родными у одного престарелого многоуважаемого брата. Это был день рождения Льва, но он превратился в день свадебного чествования Володи и Паши. Старые друзья вспоминали минувшие дни, свои стремления, переживания, победы и успехи. Их юные друзья радовались вместе с ними. Володя с грусти вспомнил их одинокую свадьбу без пения, свадьбу в слезах. — Так посадим же их вместе и споём им свадебные песни, — сказал всеми уважаемый старец. И то, что было не спето когда-то им, запелось теперь.

Пели юные сильные голоса:

Дай Боже, им счастья

На многие дни.

От бурь и ненастья

Их в мире храни.

Пусть жизнь их приятно

И мирно течёт,

И свет благодатный

Кругом да прольёт.

Дай мудрость им, Боже,

Здесь в жизни земной,

Богатств всех дороже

Ценить Твой покой.

Счастливые, бодрые, умудрённые большим опытом, сидели они, видя любовь в десятках устремлённых на них глаз.

Дай видеть им ясно,

Что с ними твой дух.

Что хочешь Ты властно

Водить их как Друг.

Спели также:

Две руки пред Богом ныне

Съединились навсегда,

Для пути в земной долине,

Для совместного труда.

Для поддержки обоюдной

В начинаниях благих.

Руку милости о, Чудный,

Возложи теперь на них.

Лев смотрел на них и думал: «Что дал им Господь: наказание или благословение? Прав ли был старик, рассуждавший на краю котлована? Ведь на самом деле сколько горя пережили оба? Но, подумав, решил — старик не прав. Не наказание — благословение великое дал им Господь. Благословение страдать за имя Его, благословение в детях, благословение в труде Господнем. Володя был проповедником, знатоком Слова Божия. Паша была всё той же труженицей любви и милосердия, пела в хоре, была секретарём общины. Там,

где рожала женщина, там, где больной страдал в больнице, она спешила прийти со словами утешения и вкусным угощением. Дивно и в Средней Азии сияли на тёмном небе в глухую ночь Сибирские Звёзды. Ни бури, ни время не погасили их. Вскоре Лев уехал. На прощание Паша ему сказала: «Храни себя чистым».

Глава 34.

«Так благословится человек, боящийся Господа» Пс. 127:4.

Бежали опять годы... Опять много ненастья, тяжёлых переживаний и бурь принесли они. Сильные ветры, тяжёлые свинцовые тучи старались прекратить сияние звёзд. Но по-прежнему тихо беззвучно светили они. Волею Всевышнего чёлн Льва опять прибило к тем берегам, где он увидел близких. Постарела Паша, лицо её покрылось морщинами. Но всё так же любовью Христовой сияют глаза. Сегодня у неё радостный день: свадьба и день рождения её старшего сына. Одна из лучших юных христианок решила вместе с ним продолжать путь жизни, славя совместно Бога. Володи нет. Он не смог приехать на свадьбу сына. На огромном дворе столы, переполненные яствами, фруктами. Звучит оркестр, поют певцы. Впереди сидят в брачном наряде жених и невеста. Горячие поздравления, подарки... Сердечно приветствует своих детей мать Паша. С пламенной речью выступил Лев, который, радуясь, смотрел на жениха и невесту и напомнил о предстоящем великом браке. Необходимости получить приглашение туда, так как час этот уже близок. Жених грядёт! Душа его переполнялась благодарностью Богу, Который давал силу и энергию Звёздам сиять среди мрака.

Прощаясь, Лев поделился с Пашей своими переживаниями и увидел, что Паша не состарилась. Её душа всё также отзывалась на скорбь и печаль. Она по-прежнему готова была молиться, утешить добрым советом. Это была та же живая, верная Господу Паша. Прощаясь, она сказала: «Нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу» Рим.8:1.

Ещё бежали годы... У Володи и Паши родились ещё дети: появилась маленькая Эмилия, Вовик и Верочка. В 48 лет Паша родила последнюю — Верочку. Появились и внучата. Радостные и довольные Володя и Паша шли дальше за Иисусом. Старшие дети их радовали. Свою самую дорогую ценность — старую Библию — Паша подарила своей любимой доченьке, и она ни на миг не расстаётся с нею. Воистину, благословение Господне обогащает и печали с собою не приносит.

Недавно Володя прислал Льву письмо, он писал: «Несколько слов о жизни нашей семьи. Жизнь наша так протекает, что я желал бы только одного, чтобы Господь сохранил это до конца для нашей семьи». Он подробно описывал, как

радует его старший сын своей отличной учёбой, стремлением служить Господу, желанием подготовиться, чтобы быть хорошим тружеником. Жена сына и внучата также радовали его, и он делился со своим другом, что смотря на больших и малых детей, он верит, что эта любовь к Иисусу будет передана и дальнейшим его потомкам... И так до пришествия Христа... Он делился также о своей старшей дочери, которая училась в институте на врача, и имела успех в учёбе. Она также ревностно посещает собрания, активно участвует в жизни верующей молодёжи. А о меньших детишках он писал: «Те, которые дома, очень радуют нас содержанием душ. Хотя у нас уже всё болит, но мы радуемся труду для детей, потому что это наше счастье».

ЭПИЛОГ.

«Ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может погасить сияние Сибирских Звёзд. Они всё преодолевают силой Возлюбившего их. И в вечности «Разумные будут сиять как светила на тверди, и обратившие многих к правде как Звёзды вовеки, навсегда» Дан. 12:3.